

Степаненко К.Н.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТВЕЯ

Москва 7528 год (от сотворения мира)

Огромное спасибо:

- тем моим любезным читателям, которые красноречиво убедили меня в необходимости продолжить «тему Матвея» в моих рассказах. Он мне самому не безразличен, ибо чувствую некое родство;

- тем моим любезным читателям, кто оценил и одобрил историческую составляющую моих трудов. Несмотря на кропотливость и трудоёмкость процесса подбора сведений из прошлого, мне это самому нравится;

Тем моим любезным читателям, которые просят добавлять в повествование лирические, романтические и, наконец, любовные сцены, категорически отвечаю –

НЕТ! Мне еще хочется жить! И творить!

Вместо вступления

Такая вот это была традиция. Еще не обычай, освящённый пусть не столетиями, но хотя бы десятилетиями, но уже хорошая, добрая традиция, позволяющая не растерять друзей в круговороте жизни и держать руку на пульсе этой самой жизни.

Раз в пару недель, но не реже раза в месяц, собирались они, сослуживцы по прежней государевой службе, в каком-либо укромном, но вкусном уголке нашей столицы, и там, под незатейливые, но традиционные для их вкусов и этой харчевни яства и нечастое чоканье запотевших рюмок вели неспешное общение. Незлобливое, но просто содержательное. Так уж сложилось, что острых политических и экономических тем, особенно своей страны, они не затрагивали, знакомых грязью не обливали. Адреналина им всем хватило в их прошлой жизни, и они просто общались. Официанты любили их за незлобливость, щедрые чаевые, культуру питания и не очень сильно возражали, когда к честно заказанной в харчевне бутылочке они украдкой, отдавая дань своей далеко не сытной молодости, разливали принесенный с собой нелегальный бутылёк.

И деньги у них были, и понимали они незаконность этого разлива, а также экономическую составляющую негодования хозяев харчевни, но хотелось еще раз ощутить себя совсем молодыми, пройтись по этому совсем уже не острому краю мнимой опасности. А как это роднило!

Беседовали всегда спокойно, без надсаживающего душу надрыва и пафоса повествования, просто рассказывая друг другу об интересном в их жизни. Так получилось, что, уйдя с государевой службы, осели они довольно удачно в сытых местах, где без риска и ненужных теперь никому подвигов, честно зарабатывали на жизнь, сознательно вычеркнув из своей памяти укорачивающие

жизнь воспоминания. Как говаривал кто-то из классиков – «Гораздо проще разговаривать с десятью, у которых всё есть, чем с одним, у которого чего-то остро не хватает!»

У них хватало.

Если не всего, чего, как известно, не бывает по природе человеческой, то всего необходимого для нормальной жизни. А главное, им хватало разума не требовать и не желать несбыточного, и не обвинять в его отсутствии тех, кто всё равно не поможет.

Последние пару раз встречались в обнаруженной кем-то из приятелей хинкальной у Белорусского вокзала. Прекрасная еда, замечательно оформленный зал, отсутствие «чистаа...» вокзальных персонажей пришлось по душе, и было решено провести очередное заседание клуба друзей там же.

Медленно бредя к своему троллейбусу по пустынному в этот поздний декабрьский вечер Бутырскому валу, Матвей любовался городом и погодой. Удивительно безоблачное темно-синее небо над Москвой было красиво подсвечено праздничной иллюминацией Тверской и начала Ленинградского шоссе. Редкие в том районе витрины были красиво освещены и украшены новогодней и рождественской символикой, и даже у мрачноватого присутственного здания очередного силового ведомства в темных окнах видны были огоньки маленьких ёлочек.

Тихо падал пушистый снег, подчеркивая некую сказочность и нереальность умиротворяющей тишины этого уголка вечно суетливой и копошашейся Москвы. На этом фоне особенно торжественно смотрелась величественная белая церковь, нависшая над самим Бутырским валом и отделенная от суеты мира лишь узким тротуаром.

Матвей знал, что это одна из старообрядческих церквей города. Живо интересуясь историей своей страны и её столицы, Матвей знал в общих чертах историю раскола в рядах русской

православной церкви, читал о деяниях патриарха Никона, трагической судьбе неистового протопопа Аввакума и гонениях, которым подвергались староверы в петровские, да и последующие за ними, времена.

Вечер, обстановка и внутреннее состояние Матвея не требовали спешки, и он позволил себе задержаться у храма, любясь его строгими, но такими возвышенными очертаниями, устремленными ввысь. Белоснежные стены были скромно расцвечены рождественскими украшениями, более похожими на самодельные, что их выгодно отличало от китайского новогоднего ширпотреба. Прочитав на табличке, что сей старообрядческий храм был содружен во имя Святителя Николая Чудотворца, он собрался, было, продолжить свой путь.

Матвея остановил непривычный для него одиночный удар колокола на звоннице храма и одновременно легшая на его плечо незнакомая рука. Рука была интереснее колокола, и резко обернувшись и стряхнув с себя овладевшую им задумчивость, он, уклонившись, как положено, в сторону, обернулся, готовый к адекватной реакции. В их среде не было принято не то, что тихо подходить со спины, а тем более – дотрагиваться. Не знаю, что там говорят психологи о «неприкасаемости личного пространства и вторжении в зону комфорта», но инстинкт самосохранения и отретпетированные когда-то, но на всю жизнь, приемы самообороны, как и талант, не пропьешь... Так любил говаривать их тренер, сам трагически унесенный в неполные шестьдесят лет этим самым Зелёным Змием.

Готовый увидеть кого-то из знакомых или, ему же хуже, уличного попрошайку или незадачливого грабителя, Матвей был удивлен, увидев перед собой нелепого старичка с мохнатыми бровями и торчащими из-под скособоченной лыжной шапчонки седыми лохмами. Из-за толстых стекол очков на Матвея в упор смотрели когда-то ярко-голубые, а сейчас просто выцветшие глаза.

Реакция Матвея на его прикосновение заметно сконфузили старичка, но он быстро пришел в себя и заговорил, не отводя своего пристального взгляда.

- Мил человек, Бога ради, прошу простить за касание. Просто не знал, как окликнуть незнакомца. «Товарищ?» - вроде как отказались все от товарищей, «сударь» - вроде не ловко по возрасту, не те года еще. На «господина» еще и обидеться мог бы, служивый...

- А почему решили, что я – служивый?

- Дак ходишь так. Руки в карманах не держишь, шаг сторожкий, но твердый. Смотришь вокруг, не глаза, но словно запоминаешь всё, или вспоминаешь, где раньше видел. Так охотники ходят, дознаватели да пластуны казачьи...

«Наблюдательный дедок!» – подумал Матвей, хотя сравнение с пластунами, этими казачьими разведчиками – диверсантами, ему явно польстило.

- Ладно, отец. Считаю – проехали! Простил, хотя вот так, сзади, не рекомендую к незнакомым подходить, даже дамам. Народ пуганный, ненароком и обидеть могут, не зная, - сам того не ожидая, перешел Матвей на этот стиль говора, который ему казался «прежним», - чем помочь могу, отче?

- Да это не мне помощь нужна, а тебе. Смотрю, стоишь у храма, любишь, а не заходишь. Или потерял что-то, или себя ищешь? Давай вместе зайдем, помогу, если что....

- Спасибо, отец. Я просто стоял, любовался... Сколько раз мимо ходил, а сегодня как первый раз увидел. Это ведь старообрядческая церковь? Вот и вспоминал, что о расколе знал. Это ведь история нашей страны!

- Ну, так зайдем. Оттуда история виднее. Чего нового узнаешь, доселе не знакомого. Может, весть какую свыше получишь. Ведь знаешь, поди, как Евангелие переводится?

- Благая весть, кажется...

- Верно! Вот и на тебя благая весть может снизойти. Зовут-то тебя как, служивый?

- Матвей.

- Вот и будет Евангелие для Матвея. А дальше весть понесёшь, будет уже Евангелие от Матвея!

- Нет, спасибо, отец. Вестей не жду, да и опасуюсь я их, особенно неожиданных. Не воцерковлённый я человек, хотя и крещен при рождении в православие. А ходить в православные храмы как турист, или, как эти, новые, - якобы возверовавшие, не могу. Да и не крещуюсь, не умею. Тем более, знаю, что у старообрядцев и наложение на себя креста иное – двуперстием. Так что уволь, отец. Хотя и интересно было бы на ваши иконы посмотреть, на их суровые, темные лики....

- Кто это тебе про темные лики наплёл?

- Так везде в литературе так про раскольников написано.

- Врут всё! Иконы у нас светлые, радостные, от византийского чина, продолженного на Руси киевской школой. А темные лики – то у новгородцев, самой природой призванных суровость и твердость свою в ликах святых славить! Раскольники – не старообрядцы, а сам Никон, внесший ересь в старорусское православие. И те, кто ему следует! Кто в золото разряженные, как ёлочные игрушки, у золотых же икон ходят, лишь Маммону, языческое божество стяжательства, своим видом теша! Нет им веры, историю своего народа поправшим, сладкими речами да льстивостью к власти место свое иерархическое выслужившим. Но Бог всё видит! Терпит, правда, долго... Но придёт час, воззовут трубы небесные!

Ибо сказано – Мне отмщение, и аз воздам!

Старичок распалился. Глаза его гневно блестели вместе со стеклами очков. Седые кудряшки под лыжной шапочкой завились,

образовав нимб вокруг чела. И стал он похож на гневного бога Саваофа, виденного Матвеем на одной из картин великих итальянцев. Всерьез опасаясь, что его нечаянного собеседника может хватить удар, Матвей аккуратно, взяв того под руки, довел по ступенькам до ворот храма и, отворив тяжелую створку, впустил в переполненную, к его удивлению, церковь.

Войдя внутрь, старичок моментально успокоился, осенил себя крестом, и уже совершенно спокойным голосом сказал Матвею.

- Спасибо. Приятно было поговорить. Если Вы захотите вернуться к нашей теме, обращайтесь, - и он быстро сунул Матвею белый квадратик визитки.

- Благодарю, но я не думаю... – начал, было, Матвей, но старичок довольно невежливо прервал его.

- А я думаю. И знаю. – после чего быстро растворился в толпе молящихся.

Выйдя на улицу, Матвей прочитал визитку при свете уличного фонаря.

На одной стороне был длинный перечень российских и иных учебных заведений и список титулов от академика и профессора, до доктора исторических наук и богословия. На второй стороне было напечатано имя, ничего к тому времени не говорившее Матвею.

Конечно, он не выбросил визитку, а аккуратно сунул её во внутренний карман пиджака.

«А что, а вдруг?»

Остаток пути Матвей проделал быстро и молча, дав себе перед сном зарок обновить свои знания о старообрядстве, надеясь, впрочем, что в практическом плане они ему не пригодятся.

Хочешь насмешить Бога, расскажи ему, что ты думаешь о своём будущем.

Выполняя свой зарок – а Матвей гордился тем, что старался не забывать о своих обещаниях, даже себе и близким, он залез в Сеть с запросом о старообрядцах. Нахлебавшись... полезной информации, он нашел дома свой старый, еще студенческий, членский билет в Ленинскую библиотеку, и вечером, гордясь собой, отправился в это святилище знаний. К его удивлению, пропуск сработал, его пустили в общий зал, быстро предоставив по запросу несколько электронных книг. Поскольку Матвей не искал ничего конкретного, он быстро, по диагонали, пробежал страницы текста, вычленив основную нить событий в этой, столь запутанной, теме. И долго сидел просто так в этом, пусть отремонтированном, но до боли знакомом зале с зелеными лампами, вспоминая проведенные здесь вечера, украденные у друзей и подруг ради рефератов и курсовых работ. Ну не мог он тогда опуститься до уровня списывания или выдергивания цитат из газет и научно-популярных брошюр в институтской или районной библиотеке!

Правду говорят – воспоминания о себе, любимом и героическом, это и есть наступление старости.

Но шутки в сторону! Зарок выполнен, знания обновлены. Жизнь продолжается!

Через пару недель, поздравив друзей в хинкальной с Новым годом, Матвей прошел мимо храма на Бутырской, не останавливаясь, лишь приветственно мотнув головой – «Плавали, знаем!». Но глаза пристально шарили вокруг, фиксируя – а нет ли многоумного старичка-академика и прочая, прочая...

Старичка не было. Как не было его и через месяц, и через два. А через три месяца, когда уже растаял снег и набухли почки деревьев, хинкальную закрыли, и клуб друзей перенёс свои заседания в другой район, где о теме староверов уже ничего не напоминало.

Где собака порылась...

Утро не предвещало ничего необычного.

Метро уже не такое забитое – спасибо выбитому у шефа праву являться на работу к 10-ти, 10-30...

Утренний вкусный кофе от общего с шефом секретаря, обзор новостей, легкая пятиминутка с привычными пистонами для привычных бездельников (как их блатные папы и мамы дома терпят?), быстрое решение быстрых вопросов (не надо покидать кабинета).

И вдруг! Бабамм!!!

- Шеф просит вас зайти к нему в кабинет! Пожалуйста! – секретарь закрыла приоткрытую дверь так же тихо.

Приглашение – через секретаря, с кодовым словом – пожалуйста! Это значит – с якоря сниматься! Всем амба! Делай как я! Румпель вам в ребро!

Без пиджака – для пиджака надо два слова «пожалуйста», Матвей входит в священный кабинет. Рядом с шефом за гостевым столом – его главный инвестор и акционер «фабрик, заводов, газет, пароходов» господин Кумакин. Его состояние, манера агрессивно вести дела и ладить с самым верхом давно снискали ему славу акулы бизнеса. Извини, настоящая акула!

За внешней любезностью всех от него зависящих таилась формула – «Боюсь, но не верю!».

Ну что же. Ничего личного, только бизнес!

- Здравствуйте, Виктор Анисимович!

- Здравствуйте, Матвей! Ничего, если без отчества?

- «Конечно, ничего. Ты всё равно его не знаешь». А вслух – Ну что Вы. Какие церемонии!

- Матвей, ваш шеф разрешил мне поговорить с вами об одном моем личном деле. И обещал своё полное содействие!

- «Пусть он и делает! А мне давно отдохнуть хочется. Да и другие предложения по трудоустройству есть...». А вслух – Я внимательно слушаю.

Господин Кумакин выждал паузу, делая вид, что наслаждается кофе. Тактичный шеф тут же выскользнул из кабинета.

- Итак, Матвей. Вы знаете, что сейчас модно выстраивать свои родословные с самого верха. Вот и я хотел бы вам кое-что рассказать...

- «Давай, плебей, плети сеть. От Рюрика! Или царя Соломона! Или, не дай Бог, от Маркса, Ленина или Сталина...». На лице Матвея – вежливая внимательная улыбка.

- Мне говорили, что вы – знаток русской истории.

- «Я еще и про Европу с Магрибом знаю...»

- Вы, наверняка слышали о такой известной фамилии, как Демидовы?

- «Не может быть!»

- Это крупнейшие промышленники, меценаты, попечители сырых, покровители науки и искусства.

- «С тобой им не повезло. Влез купец Кумакин, да и тот дуракин...»

- Так вот к ним я не имею ни малейшего родственного отношения.

- «Уф, от сердца отлегло.»

- Здесь начинается сама история. Слушайте меня внимательно, Матвей, ибо по вашим глазам вижу легкомысленное ко всему отношение.

Итак, Демидов в четвертом от родоначальника славы их фамилии Никиты Демидова поколении, Никита Акинфеевич Демидов был известен особым покровительством российской Академии художеств и, главным образом её пенсионеру, художнику и скульптору мирового уровня Федоту Ивановичу Шубину. Его работам посвящен целый зал в Третьяковской галерее, украшением которого являются портреты супругов Демидовых. Так вот, помимо более чем щедрой оплаты трудов Ф.И.Шубина, Никита Акинфеевич Демидов преподнес художнику в дар медный крест «с секретом». Что за секрет, Демидов не сказал, намекнув, что «в своё время Шубин всё узнает и станет богатейшим человеком». Крест рекомендовал держать подальше от чужих глаз и рук, чтобы не польстились те на тайну богатства. Именно поэтому художник никогда не показывал крест своему окружению и, тем более, не хвастал им. Он просил своего слугу и подмастерья Ферапонта всё время прятать крест и следить за его сохранностью. На смертном одре Шубин, которому при жизни так и не открылась тайна креста, отдал его Ферапонту, взяв с того слово хранить тайну до того момента, когда она сама откроется.

Тот Ферапонт Кумакин и был моим прапрадедом. Еще он предполагал, что крест содержит сведения о сокровищах Демидовых, легенды о которых будоражили тогда умы всех. Крест, по рассказам моих деда и отца, много раз с тех пор осматривали, но никаких указаний на клад не нашли. Но легенда живет в нашей семье, и я уверен, что иного секрета у креста нет.

Но у Ферапонта была еще одна, своя, тайна. Он был старовером, что в его время сурово каралось. Чтобы спасти и душу в её истинной вере, и свою семью, он, после смерти Шубина, получив от того вольную, бежал к Белому морю, где жили староверы – поморы, до которых не дотягивалась карающая рука императора. Затем была река Керженец в Новгородской земле, и, наконец, Олонецкий край в Карелии.

Это всё я узнал из записей моего прадеда Аввакума, которые нашли поисковики при раскопках старых схронов в Карелии и продали мне.

Уже от отца я знаю, что в Карелии наша семья разошлась. Одна часть, во главе со старейшиной рода, старшим сыном Ферапонта и моим двоюродным прадедом Анисимом, пошла севернее, к границе с Финляндией, другая, во главе с его младшим братом и моим прадедом Аввакумом, – вернулась в Россию, в Москву, где отношение к староверам изменилось, и наша община стала самой влиятельной среди московского и волжского купечества. Скоро и мой прадед Аввакум стал купцом первой гильдии, старшиной ткацкого цеха.

Демидовский крест Анисим, в честь которого назван и крещен мой отец, забрал с собой. Наша семья принадлежала к общине «беспоповцев», то есть не признавала священство, и молитву вёл выборный отчётник, коим и был Анисим.

Финскую войну мой дед Фёдор, которого накануне освободили из лагеря, воевал в Карелии, где ему случайно удалось напасть на след старообрядческой общины, главой которой был сын Анисима Симон. Они встретились, и Симон рассказал Федору, что, по завещанию своего деда Анисима, крест останется в их семье, и лишь в случае отсутствия наследника мужского пола должен быть передан наследнику мужского пола другой ветви семьи, то есть потомкам Аввакума. Крест тогда был у него, но спрятан в укромном месте «от невзгод военного времени». По словам Симона, крест будет передан его сыну Петру, которому предстояло возглавить общину.

В Великую Отечественную мой отец Анисим дошел до Норвегии. Он служил в разведке и поддерживал связь с местными партизанами, одним из которых и оказался сын Симона Пётр. Они чудом встретились и, в тайне от особистов, признали друг друга. Петр подтвердил наличие завещания их прадеда и сообщил, что у

него есть сын Фелофей, который воспитывается в старой вере и наследует его место главы староверческой общины. Где она будет расположена, Петр не знал. Время было такое. Но братья обменялись адресами, по которым им можно будет найти друг друга.

И вот недавно на прежний почтовый адрес нашей семьи пришло письмо из Финляндии. На старорусском языке было написано, что Фелофей, будучи бездетен и находясь на седьмом десятке лет, готов выполнить волю своего прапрадеда Анисима и передать фамильную реликвию семье своих родственников, если доказано будет наличие у них наследника мужского пола, приверженного старой вере. За реликвией надо приехать либо самому наследнику, либо его доверенному лицу, ибо у самого Фелофея нет возможности уехать из родного дома.

Запутавшись в переплетениях имен и событий, Матвей, честно сумевший не уснуть во время рассказа только благодаря двум чашкам крепчайшего кофе, счел возможным подать голос.

- Итак. Что мы имеем в сухом остатке?

- В сухом остатке мы имеем следующее, - голос господина К. был свеж и властен, словно и не было этого получасового бурчания на семейные темы, - меня и моего сына ждет наследство, за которым должен приехать либо я сам, либо мой представитель. С моей стороны все бумаги готовы.

Нет только главного – адреса Фелофея. Мой отец Анисим, записавший во время войны адрес Петра на своей портянке, утратил оную в медсанбате, не успев переписать. На письме Фелофея обратного адреса нет, есть только штампель отделения – отправителя письма – Хельсинки.

Зато есть мой представитель, который сумеет решить все остальные задачи.

- И этот представитель...

- Вы, Матвей!

Безумно хотелось послать сразу же. Но внутренний голос, к которому Матвей всегда прислушивался (но не всегда следовал) прошептал – «Успеешь. Возьми рекламную паузу...»

- Очень интересная история, Виктор Анисимович. И с Демидовыми в начале родословной Вы лихо сюжет закрутили. Вам сценарии надо попробовать писать... Мне по-человечески понятно Ваше стремление получить наследство, да еще столь ценное. Если оно есть...Какого размера крестик-то?

- Да он небольшой должен быть, шестиконечный. Сантиметров двадцать – тридцать в длину, я такой у деда своего видел. Ну, вы знаете, обычный прямой крест, с ещё одним косым перекрестием в нижней части, цатой, на которую, якобы, Христос ноги ставил при распятии.

Понимаете, Матвей, я уверен, что крест содержит указание на демидовский клад. Это и могла быть та тайна, на которую намекал, даря крест Шубину Никита Акинфеевич Демидов. Только вам это говорю, потому как доверяю. Даже для семьи – это просто семейная реликвия.

Да теперь и сынок мой, Пашка, как с ума сошёл – привези, да привези цацку. У него ведь бутик с модной молодежной одеждой, и сам одежду моделирует и шьёт. В прадеда по ткаческой линии пошел!

Его салон одежды и мастерская пошива находятся в Хамовниках, в прежней старообрядческой слободе, как раз на месте нашего старинного дома. К нему раньше еще церквушка была пристроена. Её-то еще раньше снесли, но фундамент пригодился. Мы на нём и наше, новое здание построили.

Павлик хочет новую линию одежды запустить с этим брэндом – крестом....

- И в Бога верует по старым обрядам? Крестится двоеперстно? Если я правильно Вас понял, в завещании Вашего пращура прямо указано, что наследник креста должен быть адептом веры?

- Ну, в Бога сейчас мало кто истинно верует. Даже из тех, кто рьяно крестится на людях и не телеэкране. Но я прилагаю справку из московской метрополии старообрядческой церкви о том, что и я и мой сын Павел являемся прихожанами их главного Покровского храма и оказываем ему посильную помощь в виде пожертвований!

- «ИХ храма! Ну, вот и ясно, где собака порылась. На своих деньгах хотят в чужой рай въехать!» - но вслух Матвей задумчиво произнес.

- Справка – это хорошо! И провоз медного креста со схемой зарытого клада через границу – это тоже понятно. Крест ведь не должен быть задекларирован?

По каменному лицу господина Кумакина Матвей понял, что не должен.

-- Здесь есть, над чем задуматься Вашему будущему представителю, прежде чем совать голову в этот капкан. Я могу подумать?

- Только недолго. В письме Фелофей ясно дал понять, что предчувствует свой скорый уход в мир иной, и, если мы не поторопимся до нового года по старому стилю – а это сентябрь, завещание Анисима будет уничтожено, и крест останется в общине навсегда. Не грабить же её. Хотя....

У Вас три дня на раздумье. Прежде, чем вы примите решение, узнайте сумму вашего возможного гонорара, - и господин К. твердой рукой вывел на салфетке цифру с четырьмя нолями.

- Это – в евро, как понимаете. Плюс оплата всех затрат.

Помедлив, добавил.

- Затраты оплачиваются при предоставлении подтверждающих документов. А гонорар получаете после того, как я получу в полной сохранности крест с доказательством его подлинности.

Матвей понимал, что без этих слов акула капитализма не была бы.... капиталистом.

Вечером, в парилке загородной бани своего шефа, где Матвей, включив на полную мощность кран с водой для шайки, мог быть относительно уверен в отсутствии прослушки, он спросил, каким образом Кумакин вышел на него.

Шеф признался, что за несколько дней до этого они в бизнес-клубе обсуждали недавно прошумевшую аферу с недвижимостью в Испании и роль, которую сыграл Матвей в распутывании той истории. Кто-то («да, видимо, ты сам» - решил Матвей), рассказал о предыдущей поездке Матвея в Африку, где тоже был решен крупный финансовый вопрос благодаря навыкам и умениям Матвея.

- Ты говорил господину Кумакину о том, что я имел отношение к Скандинавии и знаю этот регион? – прямо спросил Матвей.

Шеф что-то проблеял, но утвердительно. Затем, набравшись духу, начал рассказ.

- Извини, что я тебя некоторым образом подставил. Знаю – тайну не держу, в разведку не гожусь. Но я ценю наши отношения и рад, что работаем вместе. Ты же сам говорил, что работать и поддерживать отношения можно со всяким, если знать его сильные и слабые стороны, не предъявлять излишних требований и не говорить лишнее. Вот ты знаешь мои слабые стороны, так следуй своим правилам. А я обязуюсь больше никогда и ни о чем тебя не расспрашивать и никому тебя не рекламировать.

Специфика моих отношений с Виктором Анисимычем в том, что лет пять назад, когда ты еще не работал у нас, я, по глупости,

влез в очень серьезную финансовую проблему. Завис весь мой бизнес. Нужна была ну очень крупная сумма денег, иначе я терял всё, включая жизнь, свою и близких. Деньги дал он. Но ты его знаешь, просто так он ничего не делает. Он вынудил меня подписать на него полную доверенность на все мои активы. Доверенность была с отсроченным сроком вступления в силу.

Я раскрутился тогда. Деньги ему вернул с хорошим процентом. Но доверенность моя лежит у него в сейфе, и в любой момент может быть пущена в дело. Это – как Домоклов меч для меня. Чувствую его всё время. Хожу как с гранатой в кармане, вздохнуть полной грудью не могу.

И сейчас он меня этим документом прижал. Мой бизнес для него ерунда, копейки, хотя за последние четыре года он и вырос в цене раза в три. Это – вопрос принципа, сломает он нас или нет. Я еще не знаю случая, чтобы кто-то мог открыто противостоять этому монстру. Еще и интерес к религии проявляет, как и сыночек его, Павлик, наркоша и сноб нетрадиционной ориентации, каких мир не выдывал. Даже старообрядцами их называть язык не поворачивается. Божьим промыслом здесь и не пахнет.

Выручай, Матвей! Проси – что хочешь...

Матвей ждал обычного продолжения – «...в пределах разумного», но, по всей видимости, шефа крепко держали за... вожжи, и он не стал завершать свою любимую фразу.

Трудно быть хорошим, а надо

Конечно, Матвей согласился. Мягкий он, хотя еще не весь пушистый. Шеф светился от радости, благоухал парфюмом «явно не для семьи» и даже выплатил Матвею внеплановую премию. В пределах разумного. Впрочем, семья, которой премия досталась полностью, не возражала.

Позвонив господину Кумакину, Матвей напросился на встречу. Причем олигарх не стал прибегать к обычным для людей его уровня отговоркам о занятости и необходимости срочно ехать «в малый Совнарком с докладом», а принял Матвея в своем офисе сразу, как только тот подъехал и представился охране.

Даже не предложив кофе, а дав согласие на выполнение работы, Матвей сразу же перешел в категорию «наёмный работник», а таких кофе не угощают, олигарх перешел к делу.

- Итак, вы вылетаете в Хельсинки, а оттуда начинаете поиск Фелофея. Потом едете к нему....

Матвей невежливо перебил своего нового работодателя:

- Мне нужно изучить письмо Фелофея и весь пакет подготовленных вами документов. Там должна быть родословная, ваши с сыном справки от метрополита, ваши фотографии и копии ваших паспортов. Нужна ваша доверенность на моё имя на русском и английском языках. Нам с Вами нужно подписать контракт с четко прописанными обязательствами сторон. Готов поработать с вашим юристом.

Затем мне нужна в письменном виде со всеми подробностями ваша семейная история, которую Вы мне столь любезно недавно изложили. В течение недели я изучу эти документы, соберу дополнительную информацию, а затем изложу Вам свои соображения, и мы наметим план действий.

С явным уважением олигарх посмотрел на Матвея, лёгким кивком подтвердив согласие. К его чести, думал он совсем мало. Три-четыре секунды.

Понятно теперь, почему он достиг таких высот в бизнесе – с тоской Матвей подумал о своем многословном и часто тормозящем шефе. Через пять дней у Матвея были все интересующие его документы, обновлена Шенгенская виза,

направлены запросы и получены ответы (естественно, частным порядком) из МО, МИД, таможни и Минкульта.

И здесь Матвей вспомнил о старичке. К счастью, визитка была по-прежнему во внутреннем кармане пиджака. Химчистка и возможный обыск её миновали. Дома, если случайно и проверяли содержимое карманов, обращали внимание на визитки и записки с женскими именами, неучтенные деньги. Возможно, на упакованные в подарочные коробочки украшения.

Еще раз прочитав визитку, Матвей отдал должное ФИО старичка. Аполлинарий Инокентьевич Мусин – Залесский. Это звучало внушительнее, чем все его титулы и ученые степени, вместе взятые.

К телефону академик – профессор – доктор подошли сразу, после второго звонка.

- Аполлинарий Инокентьевич?

- Внимаю!

- Это Матвей, если помните рождественскую встречу у храма Николая Чудотворца...

- А, служивый! Рад, что вспомнил, счастлив, что пригодился тебе нечаянный знакомец. Ну, какую благую весть принёс?

- Профессор (Матвей выбрал самый нейтральный и удобноподносимый из титулов старика), не могли бы мы встретиться? Вопрос не терпит отлагательства, и может быть Вам весьма интересен.

- А давай прямо сейчас. Можешь? Записывай адрес.

Через час Матвей сидел в кабинете скромной профессорской квартиры в одном из обшарпанных старомосковских домов, явно довоенной (имеется в виду Первая Мировая) постройки. Две стены кабинеты были увешаны тускло мерцающими в свете лампад образами в скромных окладах. Остальное место занимали книги.

Меж глянцевых суперобложек виднелась тисненая кожа фолиантов. Матвей заметил несколько деревянных корешков, к которым в старину подшивали рукописные письма. Было даже несколько свитков, скромно торчащих своими истрепанными краями.

Без лыжной шапочки, но в добротном свитере домашней, явно деревенской, вязки, профессор выглядел совсем не официально, явно противореча свой визитке.

Предложив Матвею душистого чая со свежее испечеными баранками, которые внесла в кабинет скромная девушка в закрывающем волосы платке и длинной, в пол, темной юбке, профессор откинулся в своем резном кресле и с интересом посмотрел на гостя.

- Я знал, что мы еще встретимся, но почему-то представлял тебя в храме, у креста.

- Так оно и есть, - непроизвольно вздохнул Матвей и рассказал всю историю, в которую ввязался.

Ничего не утаивая, даже своё негативное отношение к господину Кумакину и его сыну, их попытке получить старообрядческую реликвию в корыстных целях. Не скрыл он и того, что ввязался в эту историю не столько из корыстных соображений, сколько из стремления помочь приятелю.

- Ко мне-то зачем пришел? - внимательно выслушав Матвея, спросил профессор. К удивлению «служивого», заслуженного теолога никак не «зацепила» эта история, то есть явно не увидел он в ней угрозы его церкви, не усмотрел ничего, нарушающего догматы веры и моральные принципы.

- Сам не знаю. Наверно, надо спросить, как это раньше делали, да и сейчас делают – благословите меня на эту работу. Или запретите мне её! Но если благословите, то помогите, чем можете, найти тот крест.

- Ну-с, сударь мой, давай разберем ситуацию по существу. Сам факт завещания правомерен. Волю усопшего надо исполнять. Второе – этот крест не является ни державной ценностью, ни церковной реликвией. Судя по твоему рассказу, его владельцы не использовали его для треб, а хранили схороненным. То есть, это просто предмет. Медные кресты признаются нашей церковью, но, поскольку с этим крестом связана какая-то тайна, пусть и непознанная, его владельцы совершенно правильно не допустили его использования в церковных ритуалах.

Не может не коробить то, что наследники, по твоим словам, нарушают условия духовного завещания, в котором прямо указано, что они должны быть истинными приверженцами нашей матери – церкви, учения ея святых отец и великомучеников. Сие есть ересь, зловредная и преднамеренная! И будет она наказана Высшим Судом.

Ты говоришь, у наследников есть письменное подтверждение митрополичьего подворья об их истинности в вере? Показать можешь?

Матвей достал из портфеля подборку полученных у господина Кумакина документов, нашел и передал профессору копию указанной справки. Тот внимательно осмотрел её.

- Подписи митрополита нет. Есть оттиск его печати, заверенная секретарем метрополии. Да, слаб человек. Но за это прегрешение, кроме Высшей кары, будет и земная, ибо стяжательство есть грех...

Видя, что профессор распаляется, Матвей счел возможным вернуть его в рабочее состояние.

- Профессор, прошу, ничего не предпринимайте, пока я не вернусь. С крестом иль без креста.

- Ну да, ну да. Конечно. Понимаю. Только ради тебя. Еще чаю?

- С удовольствием. Сушки – просто восторг!

- Внучка печёт. Машенька, принеси нам ещё чайку с баранками!

И уже Матвею.

- Итак, чем могу?

- Профессор, существует ли единый реестр староверческих общин по России и миру?

- Боюсь огорчить вас, милейший Матвей. Единого реестра нет. Русская православная старообрядческая церковь, если можно так выразиться, несколько анархична. Вольнодумцы мы. У каждой общины свой устав и взгляд на служение.

Да, мы пытаемся вести учет. Считается, что у нас только в России более двух миллионов прихожан. До Первой Мировой было 4,5 миллиона. Наши основные центры – в Москве и в Браиле, это в Румынии, где много наших единоверцев еще со времен приютившей их в пику России Австро-Венгрии. Старообрядцы, помимо России и Румынии, есть в Литве, Эстонии, Молдавии, Казахстане, Польше, Украине и Белоруссии. Есть они в США, в Канаде, в Латинской Америке, в странах Северной Европы. Про численность зарубежных общин ничего доподлинно не известно, хотя кое-какие связи с ними поддерживаем.

В самой Москве еще в 18-ом веке образовалась и дала основное московское староверческое купечество федосовская община Преображенского кладбища, а метрополия наша образовалась на основе общины Рогожского кладбища.

Старообрядчество, как противление никонианской ереси в православии, возникало стихийно. Сама метрополия была объявлена на основе Белокриницкой епархии, созданной в 1846 году. Есть различные течения, такие как единоверцы, поповцы, беспоповцы, даниловцы, федосеевцы, филипповцы, спасовцы, аристовцы, самокресты, титловцы, средники, дырники, бегуны, мельхиседеки, рябиновцы и прочая, прочая...

Так что официального единого списка всех общин не существует. Есть знание о том, где и кто славит Бога по нашим законам, есть частная переписка руководителей различных общин, которых всё равно тянет к единству. Правда, власти своей, пусть и малой, пусть и в крохотной общине, никто не отдаёт. Вот и держатся за свои малые отличия, которые еще «от святых их отец достались». Кто нужен-то?

- Меня интересуют общины 19 – 20 веков в Карелии, затем перешедшие в Норвегию, Финляндию, возможно Швецию. Особенно после Второй Мировой.

- Эх ты, милый, задачи ставишь... В такую историю сразу так не заглянуть. Ладно, потолкую с людьми. Может, кто что и вспомнит. Потом, ты же знаешь, что не все старообрядцы во время войны воевали на стороне Сталина против Гитлера. Была община Республика Зуева и была община федосеевцев деревни Лампово, которые сотрудничали с немцами и за то навлекли репрессии органов на всех староверов. Так и почистили их ряды в Карелии и в тех странах, куда вошла Красная Армия.

И опять, как при царе Петре Первом и его зловерной сестре – царевне Софии, убивали себя староверы в морильнях, топились семьями в прорубях и озерах, горели в Кораблях огненных.

Романовы хоть признали за собой эту вину, издали в 1905 году Высочайший указ о веротерпимости. Даже понятие ввели «старообрядцы» вместо прежних раскольников, службы в наших храмах разрешили. Ну а Сталин опять гайки закрутил и отпугнул многих наших единоверцев от России.

Нынешние, поди, кусают локотки, но – поздно. Не даст им нынешний патриарх РПЦ замирился с нашей церковью. Не нужны ему смутьяны! А управляемой оппозицией, как это получается делать у Кремля, староверы для Алексея не станут! Ибо...

Матвей опять был вынужден успокоить заводящегося профессора, задав отвлекающий вопрос.

- Профессор, а что за огненные Корабли, о которых вы упомянули?

Подействовало. Профессор успокоился и лекторским тоном начал рассказ.

- Корабли огненные – это срубы, в которых сжигали себя староверы, чтобы с дымом их огненных костров, как на кораблях, умчат свои безгрешные души в небеса, к Всевышнему. И не просто так сгорали они в тех кораблях. Для подготовки встречи с Богом требовался специальный ритуал.

Построив полусруб, без крыши, чтобы души напрямую уходили в небо, готовили пики и ружья, смолу, запоры и саваны.

Сначала насмертники должны были принять монашеский постриг. Нужно было присутствие вражеской ратной силы, которая бы под страхом оружия и смертоубийства, склоняла бы насмертников покаяться. Нужен был спор по вопросам веры, где верх должен быть одержан староверами; для этого готовился специальный человек. Затем должен был грянуть бой. И только после этого Корабль поджигали.

И на этой оптимистической ноте Матвей откланялся, условившись встретиться через неделю. В тесной прихожей молчаливая внучка профессора сунула ему узелок с еще горячими баранками.

Но профессор позвонил раньше, на третий день. Радостным голосом он сообщил, что смог достать адрес общины в Карелии, где «хранят память» о старце Аввакума и его сыне Симона.

- Телефонной связи с ними, естественно, нет, но я дам вам два рекомендательных письма! Остальное я помню. Пока ты, служивый, пойдешь по земному следу от Карелии, буду помогать и окормлять тебя духовно! Записывай адрес пустыни. Да, сам не найдешь, нужен будет проводник из местных.

И долго мне будет Карелия сниться

Место было недалеко от Ладожского озера. Плутать по Карелии на своем автомобиле Матвей не решился и взял железнодорожный билет до Петрозаводска. Пошарив в своей бездонной (пока) памяти, он вспомнил о давнем знакомце из тех мест, который, по имеющейся информации, там и осел. Несколько звонков по кругу друзей, и вот он – нужный телефон!

Александр сразу вспомнил Матвея, не стал по телефону «растекаться мыслию по древу», четко выяснив, для чего понадобился. Обещал встретиться на вокзале, на просьбу о проводнике сказал – «Решаемо!». Коротко, но содержательно.

Школа!

Поезд отходил вечером. Закинув рюкзак на верхнюю багажную полку, Матвей расправил на теле дорожный пояс – тайничок с деньгами и личными документами (привычка) и прекрасно выпался до самой карельской столицы под мерный храп попутчиков-туристов.

Саша встретил у вагона, молча перехватил своей могучей рукой рюкзак, и, рассекая как ледокол, волны пассажиров, вывел Матвея на привокзальную площадь, к выдававшему виды УАЗу-Хантеру с синими прокурорскими номерами. На вопросительный взгляд Матвея «горячий» сын карельского народа буркнул.

- Мы с женой в прокуратуре работаем. Она – заведует делопроизводством. Хантер наш на два дня. Только на нём сможем добраться.

И уже в машине, быстро и умело выехав из города, Александр молча погнался явно не по основной дороге.

- Ты знаешь, куда ехать? – попытался разбить стену молчания Матвей.

- Заберём проводника, там решим – куда, - витиевато ответил Саша.

Через пару часов, вытряся из Матвея всю душу, УАЗ остановился у отдельно стоящего на берегу озера домика, вокруг которого громоздились хозяйственные постройки. Судя по открытому гаражу, из которого торчала забрызганная морда старого «Газика», коновязи с привязанной верховой лошастью, стоящем в углу тракторе и паре лежащих на стапелях лодках, здесь жил лесник, егерь, или еще кто-то, кормящийся с леса и туристов. Было грязновато, но привольно и очень красиво. Если бы не комары....

На веранде дома их встретил бородатый мужчина лет пятидесяти, весь в хаки, от носков до банданы. Не тратя времени на разные, принятые в обществе, слова приветствия и прогноза погоды, он протянул руку Матвею.

- Жихарев. Местный краевед, - и, показывая рукой на стол с придвинутой скамьей, - покажите или расскажите, куда вам надо.

Матвей, уже привыкший к немногословности и деловитости местных, кратко изложил то, что счёл нужным о месте назначения. Уже на середине рассказа Жихарев прервал его.

- Знаю. Селение староверов. Только не примут они вас. Строго там.

- У меня есть письма к их старосте.

- У них – старец. Старец Мелантий. Но не обессудьте, если прогонит. Крутой...

- Сколько ехать?

- Часов шесть. На чём поедem, моей или вашей?

- На моей. Вернее будет. Она - только из сервиса, - сказал своё весомое слово Александр.

- Ха – ха, - с мрачным лицом изобразил недоверие Жихарев, - но воля ваша. Заправь полный бак в гараже, из танкера. Горючки возьми канистры четыре там же. Поесть я возьму.

- Мне жена тоже сумку накрутила, - не сдавался Александр.

- Хорошо. Мне крутить меньше, - Жихарев не отдал первенства.

Матвей, с удовольствием наблюдая на содержательной и живой беседой, достал из кошелька две зеленые бумажки с надписью «евго» и протянул их Жихареву.

- Хватит?

- На бензин и еду хватит. А за экскурсию потом рассчитаемся, когда вернёмся. Сейчас ужинаем и ложимся спать. Вы – в доме, в гостевой спальне. Уже постелено. Выезжаем завтра в пять утра. Я разбужу.

Коротко и ясно.

Спали хорошо. Но комары... Если бы не две включенные машинки для их отпугивания, съели бы заживо.

Выезжали с включенными фарами, с трудом пробивающимися утренний туман. Если бы не Жихарев с его волчьим чутьем и знанием местности, не до конца проснувшийся Александр пару раз точно воткнул бы машину в овраг или поваленный ствол дерева.

Туман, наконец, рассеялся, и поехали веселее. Асфальтовая дорога чередовалась проселками, грунтовыми, а то и просто накатанными тропами. Рев двигателя, преодолевающего очередной уклон, и многочисленные даже в салоне комары не позволяли в полной мере насладиться природой, но во время редких остановок Матвей сполна оценил сосновый воздух, запах нагретой солнцем корой. Голубое небо с редкими пушистыми облачками над зелеными кронами деревьев перекликалось с

гладью озер, манившими, казалось, из-за каждого поворота дороги.

Ему доводилось раньше быть в Карелии, но тогда это были рабочие командировки, ритм работы в которых исключал любованье и расслабленность. Сейчас же Матвей понял тех энтузиастов – туристов, пеших или водных, которые с фанатическим упорством ездили каждый год в Карелию.

Только как же они с комарами боролись?

Тряска и шум в машине не давали возможность как следует поговорить с Жихаревым, вынужденным еще и работать штурманом - навигатором. А он действительно много знал, краевед и просто знаток своих мест. И в редкие паузы тишины Матвей сумел значительно пополнить запасы своих знаний.

С учетом специфики своего интереса в этой поездке, Матвей интересовался, в основном, старообрядческой тематикой.

И вот что поведал ему краевед.

Староверы в царско-имперской России, бежали, в основном, либо в Сибирь, либо в новгородские земли. В Сибири, как и на Дону, у них были серьезные противоречия с казаками, которым, по версии Жихарева, не хотелось делиться с пришлыми своими землями и вольностями. В новгородских же землях, где не было ни крепостного права, ни «верных слуг царя и Отечества» - казаков, староверам было привольнее. На первых порах. Они вольготно селились на пустошах, мешались с местным населением – поморами, которым нравилось быть в постоянной оппозиции Никону, царям и императорам России и переходить целыми селениями в лоно старой церкви. И, кстати, как хитро улыбаясь, заметил Жихарев, сам Ломоносов был из поморов-староверов, и первоначальную грамоту свою, «со многими секретами старцев старорусских», получил от их проповедников. «И в Москву он пришел уже шибко грамотным, а то как бы он одолел за один год

весь курс греко-латинской Академии!» - гордо глядя на Матвея, возглашал гордый краевед.

Потом в Новгород пришли сильные царские воеводы с армейскими полками и «учинили великое гонение на старую веру».

- И бежали старообрядцы тогда в наши Олонецкие земли, где не было постоянной власти русского царя. И до самой финской войны 1939 – 1940 года жили они здесь спокойно, в мире с карелами и суомами, которым дела не было до ереси и раскола в чужой для них вере. А староверы им нравились тем, что были честны и жили по Заповедям в гармонии с природой.

- А потом?

- А потом, как говаривал герой одной вашей кинокартины, «пришел гегемон, и всё пошло прахом». Получив после войны не очень большой кусок Карелии – небольшая награда за несколько миллионов погибших русских солдат! – Сталин провел чистку местного населения под предлогом того, что здесь осели многие бежавшие от революции «старорежимники», под определение которых попали и староверы. Местные помогали им уходить дальше, в саму Финляндию и другие северные страны.

Помогали, конечно, не бескорыстно. Им ведь оставались дома, поля и все нетранспортабельное хозяйство беглецов! Вот и то поселение, к которому мы едем, сначала было покинуто жителями, но потом они передумали и вернулись. Сильная была драка за свои дома с теми, кто поспешил уже в них поселиться, но староверы оказались сильнее, да и оружие с партизанских времен у них осталось. Оружие в ход не пустили, слава Богу, но пригрозили захватчикам, что им терять нечего. Теперь – то примирились, но настороженность осталась. Потому и так суров старец Мелантий к пришлым.

- А протестные самопожертвования староверов здесь были? Самоубиения? Корабли огненные?

- Про Корабли ничего не слышал, но, по рассказам старожилков, старообрядцы и топились и самосжигались. Но это было очень давно, в 18 и 19-ом веках. После войны уже не было.

К поселению подъехали, когда деревья уже стали отбрасывать тень. Еще до того, как они увидели с опушки высокий частокол деревянного забора с торчащими на нем коньками крыш и маковкой церкви, услышали одиночный бой колокола.

- Нас увидели. Всех предупреждают вернуться в посад. Машину здесь оставьте, я покараулю. Сами идите. С вами Бог! – и краевед Жихарев широко осенил Матвея и Александра двуперстным знаменем.

Взяв папку с документами Кумариным и рекомендательные письма, Матвей и чуть отстающий от него Александр направились к воротам, в надвершии которых был вырезан шестиконечный крест.

Из ворот им навстречу вышла группа мужчин в домотканых рубахах и портах. У руках у них были у кого коса, у кого топор, у кого – просто жердь. Видимо, что было рядом, то и взяли поносить. В первых рядах гордо нес свою седую голову высокий худой человек в заношенной рясе, с висящим на ней медным крестом, таким же, как был вырезан на надвершии ворот. Шел он легко, молодежово, и только, приблизившись метров на пять, увидел Матвей, что крестоносцу уже не тридцать, и даже не пятьдесят. Выцветшие от прожитого и пережитого ранее голубые глаза, напомнили ему профессора.

- Кто такие? Чего надо? – грозно спросил старец, а его свита сжала в натруженных руках своё оружие.

Матвей остановился, успокоил дыхание, чтобы не сорвать первую фразу, и сказал.

- У меня письма в обитель из Москвы.

- Кому письма?

- Сам не знаю. Сказали, доставить сюда. Сами посмотрите, вам ли...

И Матвей, положив свою папку на мокрую траву, сверху выложил два письма, а сам отошел на несколько шагов назад.

По команде старца один из его сопровождающих, передав топор соседу, подошел и взял письма, передав их старцу. Письма не были заклеены, а потому, открыв одно из них и достав из складок рясы старинное пенсне, старец стал его медленно читать. Дочитав, сложил и убрал в конверт. Таким же образом было прочитано и второе письмо.

- Пойдемте, - старец махнул рукой Матвею и Александру в направлении поселенья.

В дом их не пригласили, а усадили на скамью под навес перед церковью, глядя на которую старец и вся его свита троекратно перекрестилась. Искося глянув на не крестившихся гостей, старец молвил.

- Не креститесь – дурно. Но что не никониане – уже хорошо.

Усевшись напротив в специально принесенное для него кресло, Мелантий начал, обращаясь к Матвею.

- Хорошие люди за тебя в письмах просили. Ты ведь гонец за наследством праведника Анисима?

Матвей кивком подтвердил его правоту.

- При охраннике говорить можно? – старец показал головой на Александра.

Матвей снова кивнул.

- Ладно, сыне мой, хоть и не воцерковлённый, слушай. По воле хорошо тебя отрекомендовавших братьев и наставников моих, рассказываю тебе всё, что знаю об этом деле.

Сию обитель основал праведник Анисим, придя сюда с общиной своей из поморских земель аккурат в 7408 году от сотворения мира. Или...В каком году по их новому стилю будет, Алёша? – спросил он стоящего за его плечом юношу.

- 1900, отче, - быстро ответил паренёк.

- Твёрдо встала здесь обитель, правым словом и добрым делом укрепляя дух пришедших и вновь обретенных братьев и сестер. Праведный Анисим подготовил и благословил сына своего Симона окормлять после него общину. Но грянула Великая война и злой волей финского правителя Маннергейма все русские, невзирая на вероисповедание, были выселены с этих земель. Часть семей, хорошо, не разлученных, переселили на север Финляндии. Семью же Анисима, а их уже было до двадцати человек, и не пожелавших с ним расстаться самых верных сторонников, перевезли на северо-запад Финляндии, на самую границу с Норвегией. Там был лагерь для русских под городом Халти. Потом, была весть о том, что из лагеря община ушла в Норвегию. Город там был небольшой рядом, с портом морским. У меня даже было записано... Сбегай, Алеша, за моей тетрадкой. Да возьми ту, где буквица «Аз» выведена.

Пока Алеша бегам за тетрадкой, Матвей, осмелев, обратился к старцу.

- Отце, прости меня. Знаю, что у вас не принято, чтобы чужие прикасались к посуде. Но мне так пить хочется, что горло скрипит. Да и друг мой тоже жаждою томим. Напоить страждущего – дело святое...

Мелантий хмыкнул.

- Пили вчера?!

- Да ни Боже мой! – в один голос так дружно ответили Матвей и Александр, что старец заулыбался, а в толпе, незаметно собравшейся за его спиной, какая-то девчонка даже прыснула в

голос, но тут же, устыдившись, закрыла рот рукавом рубахи и нырнула за спины стоявших вокруг нее девчат. Взглянув на них внимательным взглядом – румяные, стройные, с задорными глазами – с тоской подумал Матвей о том, что неплохо было бы приехать сюда студенческому отряду. «Помочь картошку копать!» Но, посмотрев на стоящих рядом крепких ребят с кольями и топорами, решил, что не надо студентов. Родине нужны физически неповрежденные специалисты с высшим образованием.

- Ладно, поможем. – по знаку старца к скамье поднесли березовый туес, в которую из колодезной бадьи щедро плеснули воды и положили два маленьких стаканчика, тоже ловко сделанных из березовой коры.

Ох и вкусна была вода из колодца. Хоть и ломила зубы холодом, но так и пил бы её, не отрываясь!

Паренек принес тетрадь, оказавшуюся толстой как оба тома «Капитала». Порывшись в закладках, торчащих как иголки у ежа, со всех сторон тетради, Мелантий вздохнул с облегчением.

- Ну, вот. Нашел! А то думаете, небось, мелет старый Мелантий, что твоя мельница. Вот – 1900 год основана наша обитель. 1938 год – изгнание с земли и переселение Анисимого дома и остальных насельников. Записано: была весть – Анисим в лагере у финского города Халти. Потом еще весть – из лагеря ушли в норвежские земли, под город Трамсё. Там в обители, и приняла душа праведника Анисима успокоение. Будь земля ему пухом!

Во главе общины встал его сын Симон, о чём, как и о кончине батюшки, он известил нас с оказией. И последняя весть – от его сына Петра. В 1990 году по вашему исчислению, простился с миром Симон, «изможденный многими ранами, полученными от гонителей», и Петр извещает о том, что он возглавил общину.

- Адрес, адрес этой общины? Где искать их? Где письмо с обратным адресом? – Матвей не выдержал и даже привстал со

скамьи. Толпа вокруг старца взволновалась. Мелантий успокоил людей движением руки и мягко ответил.

- Писем, мил человек, у нас нет. Вести приносят люди. Адреса нас не интересуют, тем более, что наши общины в иных странах кочевые, уходят сразу, как почувствуют притеснения. Где был Петр, когда отправлял весть, не знаю.

Теперь давай так. Я тебе рассказал всё, как меня просили и ручались за тебя. Мне тоже интересна судьба этой семьи. Рассказывай!

И Матвей рассказал всё (или почти всё), что знал о семье Кумакиных, отметив для себя, что даже их мирская фамилия была неизвестна Мелантию. И сам рассказ старца он дополнил двумя неизвестными тому фактами из истории семьи Анисима. Он рассказал о встрече в Карелии во время финской войны Симона и его брата Федора Кумакина, а также о встрече в 1945 году в Норвегии Анисима Кумакина и Петра, который был связным между партизанами и разведкой Красной Армией.

Выслушав рассказ Матвея, старец скорбно покачал головой, заметив - На всё воля Божья!- и продолжил – А что за наследство, которое разыскивает.. ну, этот...

- Виктор Анисимович Кумакин и сын его Павел – помог старцу Матвей, сам не сразу запомнивший хитросплетение имен и судеб этой семейки, - и наследство это - медный крест, похожий на ваш.

Крест был подарен отцу преподобного Анисима Ферапону, когда его барин давал Ферапону вольную, - от дальнейших комментариев Матвей воздержался.

- Ну что же... Дело Божье. На всё его промысел! – Мелантий осенил своим крестом Матвея и Александра, давая понять, что встреча окончена.

Вставая со скамьи, Матвей попросил у старца

- А можно взять туюс с водой для нашего товарища, что ждет нас в машине? Всё равно ведь сожжете...

- Это какому товарищу? Это не Жихареву ли, каналье небесной? Забери, пусть пьёт. И скажи ему – пусть пока не боится. Больше не тронем, если сам опять глупость какую не сделает.

-А что он натворил? – подал голос молчавший до этого Александр.

- Да лет пять назад привез к нашей обители кучу копателей с лопатами и кинокамерами. Перекопали всё старое городище – мы-то на новом месте давно уже строимся, чтобы не тревожить старые срубы да погост с прахом усопших. А эти – могилы вскрывали, с камерами своими чуть на изгородь не лазили. Ну, мы их и поучили немного, кольями да дубьём, потом дегтем да перьями куриными. И Жихареву досталось. Шум был, на весь район. Из столицы приезжали! Больше не суются! Так и скажи ему – простили, но не дай Бог!

«Вот откуда у господина Кумакина записи его пращура Аввакума. А Жихарев – тот еще жук. А еще под старовера косит!» - думал Матвей, неся воду к машине. Он уже почти придумал, как уязвит краеведа, но Александр его опередил. Подлетев к Жихареву, он взял того за ворот рубашки, тряхнул так, что франтоватая бандана свалилась на землю, обнажив незагорелый голый череп с несколькими прилипшими волосинами.

- Так это ты, скотина, навел тех копателей! Да еще и фильм сняли, как могилы вскрывали! На всю страну скандал был! Еще раз, на..., увижу тебя с копателями или неразрешенной съёмкой, на... Ну ты меня понял!

Коротко и ясно.

Школа!

Сев в машину, помолчали. Матвей обдумал ситуацию, Жихарев, видимо, мысленно прощался с гонораром за поездку, а Александр ждал указаний. Он не выдержал первый.

- Ну, куда теперь? Я понял, что тебе, Матвей, в Норвегию надо. Извини, туда не повезу. Въезд в Норвегию на машине с российскими прокурорскими номерами может привести к новой войне.

- Мне точно в Норвегию надо. В Тромсё. Насколько помню, это – самый север страны. Туда из столицы Осло одна основная автомобильная дорога. А знаете, как ездят норвежцы? Мне старшие мальчишки рассказывали... Если на узкой горной извилистой дороге, в бампер ему начинает упираться бампер другой машины, пытающейся обогнать (А, не дай Бог, этот торопыга – с иноземным водителем за рулем или иностранным номером), норвежец тут же начинает тормозить до положенных в горах 50, 40, а то и 20 км в час и не даёт себя обогнать вилянием машины по трассе. Так он будет ехать до нужного ему съезда, передавая торопыгу-иностранца следующему патриоту и радетелю правил. И путь от Осло до Тромсё может занять часов двадцать и стоить вам полностью испорченных нервов. Поэтому сейчас – Петрозаводск – самолет – Осло – самолет – Тромсё.

При Жихареве им разговаривать о подробностях не хотелось, поэтому на первой же остановке Матвей отвел Александра в сторонку.

- Ты всё молчишь, а спросить явно хочешь. Да и о себе ничего не рассказал.

- Я – старший следователь в Петрозаводске. О тебе всё, что мне следует знать, я знаю. Служба такая. А спросить хочу – ты чего в эту историю с наследством ввязался? За деньги, или что-то там полезное есть?

- Есть, Саша, есть. И мой внутренний голос подсказывает, что и твоя помощь мне еще понадобится. Сразу говорю, в рамках закона, но чуть-чуть интереснее. Ты как?

- Тебе верю. Помочь готов. Да и вообще, не пропадай. В Москве я бываю редко, только по службе. Не люблю я ваш спесивый и повязанный мотком полезных связей город. Это жена рвется в Москву переехать. Мы ведь там в университете учились, на юридическом, где и познакомились. Приезжай лучше ты к нам. Ты же видишь, как здесь привольно и здорово. Особенно в августе и сентябре, когда еще нет снега, но уже нет комаров. Ещё что-нибудь эдакое замутим... С тобой интересно!

По пути в Петрозаводск завезли притихшего краеведа до развилки на дорогу к его дому. Несмотря на настороженный взгляд Александра Матвей вручил Жихареву несколько евробумажек. «Как договаривались!»

Проезжая по трассе, Александр показал на патруль ДПС, стоящий у обочин за развилкой на пропускной пункт Торфяновка. Бойцы с полосатыми палками, как по команде отвернулись, увидев машину с прокурорскими номерами. Александр показал на нее Матвею.

- Видишь, наводчики стоят. Если машина на Торфяновку свернула, они её тормозят и устраивают полный допрос – куда, зачем, что везут. Если «купцы» за товаром в Финку, или продать что везут туда, сигареты или водку, или просто люди богатые - тут же сигналият бандитам, которые дальше по проселочным дорогам в засаде стоят. Те и грабят. Иногда даже большие фуры с электроникой на «гоп – стоп» берут.

- А что не берете, если знаете?

- Не можем с поличным взять. Бандитов иногда вяжем, но они своих осведомителей не сдают. Да и, думаю, кто-то у нас этот бизнес крышует.

- Так у вас криминал, как в центральной России в «лихие» девяностые. Но у нас это давно прошло...

- А у нас нет. Как была она окраина российской империи, так и осталась. Криминал местный, свое начало еще с советского времени карельских и беломорских лагерей берёт, и лютостью своей еще с другими криминальными районами поспорит!

Матвей вспомнил, как лет десять назад перегонял он, по просьбе друга, автомобиль как раз из Северной Европы в Москву. Ехал он через Торфяновку, и, если бы не встретивший его у границы питерский надежный друг, приехавший на двух крутых джипах с вооруженной охраной, не добраться бы ему живым.

Как сейчас помнил те стоящие в кустах темные девятки с затемненными стеклами. Как щуки в подводных зарослях камыша, караулили они добычу. Сначала, увидев автомобиль Матвея, они выдвигали свои морды на дорогу, но тут же прятали их назад при появлении джипов сопровождения с «крутыми» питерскими номерами и плечистыми ребятами внутри.

- Так, говоришь, у вас еще крепка карельская братва? И за пределами края работает?

- Недавно группу карелов взяли во Владике, где они выходца из этих мест ограбили и убили.

- Так, так. Интересненько...

- Да уж куда как интересно.

Норвежцы – хорошие люди, но их испортил русский вопрос

Билет до Осло Александр заказал прямо из машины, по спецсвязи, и довез Матвея до аэропорта, благо до вылета

оставалось совсем не много времени. Несмотря на протесты Александра, Матвей и ему вручил «премию».

- Компенсация государственному учреждению за горючее и амортизацию славного Хантера. И купи, пожалуйста, от меня красивый букет жене. Бывай. До связи!

Билет был приобретен быстро. К рюкзаку Матвея особого интереса тоже не проявили, и скоро он удобно расположился в синем кожаном кресле аэрофлотовского бизнес-класса. Пусть буржуй Кумакин платит за демидовские сокровища! Героически отказавшись от предложенной ему любезной стюардессой порции виски, а также от обеда, уставший Матвей благополучно проспал весь путь, предварительно составив в уме план свои действий.

Аэропорт Гардемуэн встретил Матвея ярким солнечным светом, лёгким ветерком и полным ощущением того, что вместо северной Норвегии кто-то из пассажиров вынудил экипаж приземлиться в северной Италии. Такси быстро доставило пока небритого и еще пахнувшего карельским сосновым воздухом Матвея к небольшому отелю на центральной улице имени Карла Йохана. Заполнив регистрационную карточку и терпеливо ответив на очень подробные вопросы портье о целях визита русского в Осло, наличии у него в Норвегии знакомых и его планах на ближайшее время, Матвей уединился, наконец, в своем номере, где принял душ, побрился и переоделся в единственный чистый костюм туриста – джинсы и майку. Вспомнив, что он всё-таки на севере Европы, Матвей надел сверху свою походную куртку, еще пахнущую Карелией. Матвей не обижался на дотошного портье, зная, как настороженно в Норвегии относятся к русским. Холодная война здесь не закончилась, и маленькая, но гордая Норвегия живет в постоянном страхе, что её захватит огромная и вооруженная до зубов Россия. За этот страх и постоянное оскаливание и твяканье в сторону русских, норвежцам неплохо платят её союзники по НАТО. Ну да Бог с ними, боязливыми потомками храбрых викингов. Они ведь далеко не дураки и

прекрасно понимают, что кормящие их углеводороды прибрежного шельфа рано или поздно закончатся, а наскоки на Россию могут еще долго наполнять кормушку.

Потому и портье, которому вечером еще предстояло писать подробный рапорт в местную службу безопасности о неожиданно приехавшем русском, не вызвал у Матвея гневного отторжения. Каждый живет, чем может. Тем более, что портье был явно не местным, а такие категории особо уязвимы в любых странах.

Ничего личного...

Выйдя в город и вкусно (но очень дорого!) поев в рыбном ресторане, Матвей остановился у витрины магазина одежды, пропуская заполнившую улицу шумную демонстрацию каких-то очередных «Против!». Судя по плакатам, они выступали против всего, а судя по одежде, они недавно разгромили магазин подержанных карнавальных костюмов. Но в витрине Матвей увидел вполне приличные мужские вещи как раз на этот сезон. Стараясь не смотреть на цены – Кумакин платит! - он купил себе летний повседневный костюм, ботинки и пару рубашек.

Выйдя на деревянную набережную приморской части города, он поразился пальмам, растущим у самой воды в деревянных кадешках. И это – на самом севере Европы! И еще он знал о небывалых по обильности урожаях клубники в прибрежной зоне этой страны, для сбора которой норвежцы, как в жарких Италии или Испании, применяют систему «самосбора». Это когда любой может, приехав на поле, получить корзинку и начать самостоятельный сбор ягоды. Съесть можно, сколько угодно, а собранные в корзинку ягоды потом взвешиваются и оплачиваются.

Размышляя о благословенном для Норвегии теплом течения Гольфстрим, позволяющим иметь на севере все эти чудеса, Матвей не заметил, как к нему подошел неприметный старичок, бедно, но опрятно одетый. И лишь когда старичок вдруг обратился к Матвею, по-русски, он обратил на того внимание.

«Везет мне на старичков – нежданчиков!» - была первая мысль Матвея.

- Молодой человек, - старичок старательно изобразил вежливую улыбку, что было нелегко с его вставной челюстью, которую он вынужден был поправить рукой, - вижу, вы впервые в этом городе. Не хотите небольшую экскурсию?

- А как вы узнали, что я – русский?

- О, это совсем не сложно. Соплеменника видно сразу...

Конечно, Матвей знал эту категорию «соотечественников», которых местные спецслужбы направленно выводили на еще неизвестных им советских, а потом и русских граждан. Иногда это были наши туристы, но чаще, направленные на работу в ту или иную страну сотрудники дипломатических, торговых и иных представительств. Наиболее ценной в плане сбора первичной информации считались жены и дети, не такие заинструментированные, как их должностные отцы, готовые в силу открытости своего характера и чувства скованности в чужой стране пойти на откровенный разговор с говорящим на родном языке и особенно пожилым человеком. Для таких случаев разработан специальный вопросник, позволяющий уже на первых порах вычислить принадлежность к разведслужбам того или иного вновь приехавшего работника, отношения в его семье, круг интересов.

В роли таких «подсадных» в европейских странах выступают, как правило, эмигранты, а зачастую и их дети, если в чужой стране они не утратили родной язык. Это – их работа, гарантия пребывания в стране и кусок хлеба. Они уже не дышат злобой к нашей стране, как эмигранты первой и третьей, послевоенной, волны. Они просто отработывают свою роль, выдавая заученные вопросы и запоминая (или записывая) ответы. От них требуется лишь артистизм в изображении своей личной заинтересованности в развитии контакта

Ничего личного....

Матвей с удовольствием поговорил со старичком, изложил ему «легенду» своего пребывания в Норвегии – написание кандидатской диссертации по вопросам деятельности старообрядческих общин в Северной Европе. Матвей попытался, на всякий случай, выяснить у «подсадного», не знает ли тот кого-нибудь, сведущего в этом вопросе. Старичок не знал, но был приглашен Матвеем в кафе, где с явным удовольствием выпил глинтвейна, кофе и съел свой (а потом и матвеевский) сэндвич.

Убедившись в бесполезности выпытывания у Матвея «секретов его тайной деятельности в Норвегии», старичок, под влиянием глинтвейна и сытости в желудке, размяк и рассказал, что в Скандинавию в 20-ые годы бежали из Петербурга еще его родители. Было видно, что миллионерами его семья не стала, а слушать подробности чужих несчастий Матвей не хотел.

«Проще говорить с десятью, у которых всё есть, чем с одним, у которого...»

Попрощавшись с сыном эмигрантов, Матвей расплатился, оставил официанту денег еще на кофе и сэндвич для старичка, и вернулся в центр. Там он вошел в комплекс зданий Государственного университета Норвегии, расположенный недалеко от его гостиницы. Найдя библиотеку, работавшую, как он ранее выяснил, до позднего вечера, он предъявил там свой паспорт и подготовленную им справку на русском и английском языках о том, что является «свободным аспирантом на соискание степени кандидата исторических наук по теме деятельности русских старообрядческих общин на территории стран Северной Европы». На добротном английском языке уровня московской спецшколы Матвей объяснил, что его интересуют все имеющиеся в университетской библиотеке материалы на эту тему даже на норвежском языке. «У меня есть электронный переводчик!» - Матвей с гордостью показал пакет из магазина с коробкой обуви.

Судя по выражению глаз крепкотелой, белокурой и голубоглазой девушки за библиотечной стойкой, она ничего не поняла из предъявленной Матвеем справки, но обещала всё выяснить «у старшего библиотекаря» и подготовить материалы к полудню следующего дня.

Матвей видел, как вслед за ним к девушке-библиотекарю скользнул какой-то нарочито неприметный тип в стоптанных кроссовках и ярко-красным шарфом на тощей шее. Потом он, но уже без бросающегося в глаза шарфа (типа, маскировка), сопровождал Матвея до гостиницы и сел на скамейке напротив входа, достав и вставив в ухо наушник от плеера или телефона.

В номере Матвей первым делом сложил в пакет «для чистки» свою ношенную в Карелии одежду, с сожалением выкинул уже приходящие в негодность старые походные башмаки и включил телевизор. Найдя англоязычный фильм, он прибавил звук и углубился в свой ноутбук.

Ужин был проигнорирован. Утром прекрасно выспавшийся Матвей, надев просто джинсы и майку и поживаясь от утренней прохлады, дошел до музея Фрама, рядом с которым был прекрасный общественный пляж. Собственно, песчаного лежбища у самой воды не оказалось, и те немногие любители, а в основном, любительницы, утреннего солнышка по одиночке расположились на крохотных уступах спускающейся прямо в воду скалы.

Оставив одежду рядом с полотенцем прямо на песке, грациозным шагом, стремясь не обрезать о мелкие камушки песка, Матвей пошел к воде. Специально упакованная кредитка была спрятана в потайной кармашек плавок еще в гостинице, а вещи, если и украдут, не жалко. Рядом есть сувенирный магазинчик, продукцией которого можно завесить себя для поездки в такси до отеля. Посмотрев на электронный щит с указанием температуры воды и воздуха, Матвей с размаху бросился в залив Скагеррак. Дыхание перехватило сразу же.

Информация на табло была явной антироссийской провокацией! Но сделав пару энергичных рывков и вспомнив купание в проруби после бани, Матвей успокоился и уже без судорог продолжил свой заплыв. Зато, возвращаясь, он был вознагражден.

Белокурые и крутобедрые норвежские нимфы, по одиночке загоравшие в самых изысканных позах на уступах скал, были обнажены. Валькирии!

Черт с ней, холодной водой! Ура, европейская общедозволенность и толерантность!

Подойдя к своим вещам, которые, к его удивлению, остались лежать на песке («побрезговали, викинги!») Матвей, не увидев вблизи ни одной кабинки для переодевания, хотел было, по русской привычки, обмотаться полотенцем и под ним совершить замену мокрых плавок на сухие. Но тут он увидел, что окружающие, приняв теплый душ – а в залив никто, кроме сумасшедшего русского, не полез – не стесняясь, в открытую, переодеваются прямо как есть, голышом, и не прячась, невзирая на достоинства и недостатки фигуры.

«Ах так!» - подумал Матвей и, отложив полотенце, решительно сдёрнул мокрые плавки. Окружающие даже не взглянули в его сторону.

Вода, видимо, действительно была холодной.

Такси – гостиница – костюм – завтрак – библиотека. Топтуна видно не было. Или надел свой шарф-невидимку?

Уже другая девушка за библиотечной стойкой – прежняя, вероятно, осталась загорать на скале – проверив формуляр, назвала Матвею номер кабинки с монитором компьютера, объяснив бестолковому, что при включении монитора, ему следует лишь нажать клавишу Enter.

Ему повезло уже на первом документе. Это была хроника 18 – 19 веков норвежской губернии Тромс. Похвалив себя на то, что в

свое время не поленился и взял несколько семестров шведского языка, схожего, как известно, с норвежским, Матвей нашел по ключевым словам – *ruska gamla troende*, то бишь русские староверы, упоминание об их поселении в этой провинции. Оно даже было помечено на старой карте в этом документе. Матвей почувствовал давно забытое покалывание в висках, и внутренний голос подсказал – «Это оно!». Сделав копию карты и страницы документа, где говорилось о поселении, Матвей, заплатив за услуги, вышел в город. «Топтун» в шарфе, но на этот раз в синем-желтом, судя по тому, что прятал в карман какие-то бумаги, уже побывал в библиотеке и знал, чем интересовался Матвей. Приглашать этого клоуна в кафе уже не хотелось. Не о чем говорить, да и в отличие от подсадного дедушки, этого за такой прокол могли уволить со службы.

Пообедав в одиночестве, Матвей вернулся в гостиницу. Просмотрев в Сети все варианты доставки собственного тела в Тромсе, он выбрал комфортабельный поезд Интерсити, из окна которого за двадцать часов поездки можно вдоволь налюбоваться этой действительно красивейшей страной. Заказав билет на ближайший рейс, он упаковал в рюкзак свои вещи, в том числе уже полученные из химчистки и утратившие, к сожалению, чудный сосновый запах Карелии. Расплатившись с портье, он подробно рассказал тому, куда едет на поезде, а также о своих планах посетить старинное русское поселение. Пусть местная спецслужба хоть на проезде шпика съэкономит. А там местного подключат. Ведь в Тромсе наверняка есть, как и во всех норвежских фьордах, какая-нибудь военно-морская база для сейнеров или рыбацких катеров, на которых местные моряки возят своих визжащих от восторга белокурых подруг смотреть, не всплывет ли где страшная русская подводная лодка.

В поезде было действительно интересно, хотя красота пейзажей надоела уже через пару часов. «Даже красивые люди приедаются друг другу, чего уж там эти ёлки, скалы и фьорды» -

была последняя мысль Матвея, уснувшего сразу после доброго ужина с давно желанной порцией «Джемесона». Но до этого он успел отправить электронную почту своему работодателю Кумакину с отчетом о Карелии и Норвегии, сообщив, куда направляется. Даже если норвежские ребята и отследят эту почту, они не узнают ничего нового и интересного. Последнюю фразу – «тщательно собираю чеки понесённых расходов и прошу перечислить на мою карту пару тысяч евро» - он приписал, представляя себе перекошенное лицо Кумакина. Но деньги он через час получил.

Приехав в Нарвик и пересев на автобус, Матвей еще 4 часа смотрел в окно, начиная медленно ненавидеть эту страну. В маленьком, немного кукольном Тромсе он сразу нашел местную ратушу. У бургомистра не было секретаря и, постучав, Матвей вошел в маленький скромный кабинет. На стене кабинет висела старая, уже наполовину выцветшая повязка с надписью «Рот Фронт!» и яркий плакат «Фашизм не пройдет!». Поздравив себя с тем, что бургомистр не оказался традиционной для этой страны антироссийской ориентации, Матвей смело протянул руку – «Я из России!»

Бургомистр, огромный и кряжестый, как медведь, в свитере и рыбацких бахилах, привстал и буквально утопил матвеевскую руку в своей пятерне.

Разговор шел на норвежском, вернее, том языке, который Матвей считал норвежским. Но они понимали друг друга. Тем более, что попытка Матвея перейти на английский быстро показала, что бургомистр знает лишь международный рыбацкий морской жаргон, не совсем приемлемый для обсуждения иных тем. А русские слова, которые он вспомнил из того же сленга, могли бы ввести более впечатлительного, чем Матвей, человека, в ступор.

Матвей довел до сведения бургомистра, что разыскивает следы русской общины староверцев под началом некого Петра, своего родственника. Известно, что во время Второй мировой Петр был в этих местах и даже принимал участие в борьбе с фашизмом. Матвей не стал уточнять, каким фашизмом – немецким или норвежским.

Бургомистр неожиданно восторженно стал рассказывать о том, что его отец, «бывший рудокоп и активный член профсоюза» тоже участвовал в этих местах в движении Сопротивления, воевал с квислинговцами и немцами, строившими в этих фьордах базы подводных лодок и катеров, топивших конвои поставки лендлиза из Англии.

- К сожалению, отец умер и не может рассказать, знал ли он русского комбатанта Петра. Мне он ничего об этом не рассказывал, мал я был, и записей о тех временах он, по понятным соображениям, не оставил. Сожалею, что не могу помочь...

- Но поселение русских здесь осталось? Там должен быть сын Петра – Феллофей, - Матвей показал снятые им копии документа и карты...

- Точно, это поселение было. Русские пришли перед войной. Им выделили землю, разрешили строиться. Мы жили дружно. Они занимались рыболовством, ухитрялись растить хлеб, платили налоги. Власти из Осло выдавили их с норвежской земли. Это было лет шесть назад, я еще не сидел в этом кабинете. Помню, что ушли они в Швецию, если память не изменяет, в лэн Норботтен, к границе с Финляндией. Или в саму Финляндию? Мы здесь, на севере, живем без границ. Только с Россией у нас граница. Многие там работают. Не дай Бог, помиримся, люди без работы останутся. Здесь, на Севере, с эти сложно.

Постой, как ты говоришь, звали сына этого Питера? Ваши русские имена очень сложно запомнить.

- Его зовут Фелофей. Фе – ло – фей, - по слогам произнёс Матвей.

- А, Фил. У нас его звали Фил. Преподобный Фил. Большой такой, как я. Но семьи у него не была. Вернее, вся их община была для него как семья. Всех опекал, за всех заступался. Даже норвежский выучил. Да, кстати, у меня его адрес и даже мобильный телефон есть. На всякий случай взял. Вдруг бы какая неуплата коммунальная всплыла. Фил обещал всё оплатить.

А их в поселении сейчас бригада лесорубов живет. Тоже из России. Какие-то словаки... Не хочешь съездить? Здесь часа три на машине. Я водителя дам, недорого возьмет.

- Нет, спасибо. Мне бы адрес этого Фила. И его телефон.

Когда бургомистр извлек из ящика стола потертую записную книжку и нашёл в ней необходимые записи, Матвей их быстро сфотографировал.

Прощаясь и сожалея, что нет у него с собой какого-нибудь русского сувенира, Матвей просто пожал лапищу бургомистру, спросив:

- У вас есть какие-то вопросы к Филу? Сами позвоните?

- Давай сам. Проблем с ним нет, он – хороший человек, но роуминг у нас очень дорогой.

Выйдя на улицу, Матвей набрал номер. Долго, продираясь сквозь километры леса и болот, сигнал всё-таки дошел до места.

- Хей! – услышал Матвей традиционное скандинавское приветствие.

- Алло, алло, - закричал он по-русски. Люди на площади перед ратушей стали на него оглядываться, ибо казалось, что он разговаривает с далёким собеседником просто голосом, без телефона. Но ему было всё равно.

- Алло, я хочу говорить с преподобным Фелофеем, - продолжал кричать Матвей, отойдя с площади в одну из безлюдных улиц.

- Батюшка наш совсем плох, говорить в трубку не может.

- Я по поводу завещания преподобного Анисима. Я – наследник. У меня есть письмо батюшки Фелофея с приглашением приехать.

- Да, мы знаем. Приезжайте быстрее. Господь уже призывает его.

- Назовите ваш адрес!

- Поселок Руссала, город Кево, лэн Норботтен, Финляндия. Приезжайте, не мешкая.

Адрес не совпадал с тем, который дал ему бургомистр. Вот уж, воистину, кочующие соплеменники. Хорошо, земля большая, есть еще нетронутые хищным человеком уголки.

Матвей вернулся к бургомистру. Рассказал о болезни Фелофея, смене адреса общины и прямо спросил, как ему можно быстрее попасть к умирающему. Выйдя из-за стола, громадный бородач потащил Матвея к выходу.

- Пойдём к Йокки. Это муж моей дочери. Он финн, и часто ездит к родственникам. Должен знать короткий путь.

Йокки они нашли в сарае с замороженной рыбой. Выслушав своего тестя, рыбак провел их в закуток, отгороженный от рыбы толстыми пластиковыми полупрозрачными полосами. Там они сели за чистый стол, на который Йокки разложил карты. Поскольку Матвею нужно было получить отметку в паспорт о пересечении Норвежско-финской границы, маршрут был выстроен через редкий на границе ККП, где ставили печать. Движение предстояло сначала на грузовике – рефрижераторе, потом на лесовозе, одном или нескольких. После пересечения границы с Финляндией Йокки

гарантировал много финских машин, мечтающих о подработке в виде доставки одинокого русского в один из самых захолустных городов Финляндии.

Деваться было некуда, и через два часа Матвей, успевший наскоро перекусить в единственном на площади работающем кафе, ужу трясся на мягких рессорах кабины рефрижератора, доставляющего свежепойманную рыбу в один из внутренних городов Норвегии, на подступах которого Матвея должен был подхватить лесовоз. Роль диспетчера этой доставки с оказией взял на себя Йокки. Из любви к тестю – бургомистру, чувства благодарности финна к русским, дважды давшим свободу их стране, и за каких-то триста евро. К чести Йокки, голос его часто звучал из радиопередатчика рефрижератора, уточняя их местоположение на просторах этой уже почти родной для Матвея Норвегии. В указанной точке их действительно ждал лесовоз. Получив свои сто евро, водитель рефрижератора, разговаривающий в дороге только со своим радиопередатчиком, вдруг улыбнулся и на чисто русском языке сказал – Удачи тебе, парень!

Лесовозов было еще два, пока Матвея не доставили к проходной КПП. Долго искали пограничника с печатью, долго Матвей ему объяснял, что путешествует автостопом по любимой с детства Скандинавии. Покрутив пальцем у виска, печать ему поставили.

Финский крест

Выйдя в Финляндию, Матвей, естественно, не увидел ни одной машины. Наконец, подарив на ближайшей бензоколонке очередные сто евро строгой финской девушке – диспетчеру, он был

подсажен в машину по доставке продуктов, которая провезла его километров сто в требуемом направлении. Потом была машина дорожной службы, снова лесовоз и, наконец, вершина – катафалк. Причем в Финляндии водители на трассе людей не сажают, особенно небритых и в недешёвой одежде. Всегда были заправки или придорожные кафе с их стоевровым подношением жрицам трассы. И еще, немаловажно – север Финляндии по-английски не говорит. Говорить на шведском не в городах не рекомендуется. После долгого владычества Швеции над Финляндией, и проявленных при этом шведами неуважению к суомам, жестокости и насилия, а также наличия в крупных городах Финляндии сильной и агрессивной прошведской оппозиции, звучание шведской речи может вызвать негативную реакцию простых горячих шведских парней. Из всего немалого языкового арсенала Матвея лучше всего подходил русский, в его сжатой эксцентричной неудобопереводимой форме.

В общем, через сутки после отъезда из Тромсё, он был у русского старообрядческого поселения преподобного старца Фелофея. В живых он его не застал. Старец упокоился сразу после телефонного звонка Матвея, и в тот же день был погребён.

- Видать, Бог сподобил преподобному вознестись сразу, как выполнил он волю прадеда своего, услышав о наследнике благословенного Анисима, - молвил Матвею батюшка в темной рясе с шестиконечным медным крестом на груди.

- Я с Вами разговаривал по телефону? - тихо спросил его Матвей.

- Да, - так же тихо ответил батюшка.

- Вы хорошо говорите на русском языке.

- Я недавно приехал из России, по вызову отца Фелофея. Он не хотел, чтобы паства утрачивала язык и связь с Родиной. Не успел увидеть дело рук своих. Я школу уже открыл на русском языке, веду занятия для взрослых. И в Москве был в метрополии.

- А как вас зовут, батюшка?
- Отец Анисим.
- Как основателя.
- В его честь и крещен.

Несколько мужчин в хороших костюмах, с прекрасным английским, но очень слабым русским в его старословянской форме, представившись поверенными в делах обители, долго и дотошно проверяли документы самого Матвея и наследников – Виктора Анисимовича и Павла Викторовича Кумакиных. Особо внимательно они рассматривали справку из старообрядческой метрополии Москвы. Поскольку она была написана по-русски, без нотариально заверенного перевода, её долго читали они сами, просили несколько раз Матвея перевести текст на английский и, в конце концов, призвали батюшку, которому и поверили окончательно.

Ночевать Матвею на территории поселения не разрешили в силу его невоцерковлённости. Один из поверенных, или, как батюшка Анисим их назвал – стряпчих, отвез его в ближайший мотель, обещав заехать за ним на следующий день в 9 утра.

Утром, ровно в 9 утра к мотелю подъехали три автомашины, из которых вышли уже известные мужчины в строгих костюмах. У вышедшего вместе с ними батюшки Анисима в руках бы продолговатый ларец, завернутый в рядно. Матвей был приглашен вернуться в свой номер, где ему был вручен акт о передаче завещания преподобного Анисима, само завещание, а также указанный в завещании предмет в виде того ларца. Была вручена также и расписка в получении наследства преподобного Анисима, которую Матвей должен был подписать. После того, как его подпись была заверена двумя свидетелями, все приехавшие покинули мотель.

Осмотрев запечатанный деревянный тубус, в котором, как его заверили и как было указано в Акте, хранился текст завещания Анимима, а также деревянный ларец, тоже опечатанный, в котором хранился сам предмет завещания, Матвей сел на кровать, чувствуя себя совсем разбитым. Чтобы прийти в себя, он заказал в номер бутылку «Джемесона», минеральной воды и чего-нибудь из еды, на усмотрение официанта. Пока всё это несли, он настучал на ноутбуке отчет господину Кумакину.

«Вылетай немедленно» - был ответ олигарха.

«Хамло» - подумал Матвей, но ответил – «Для аккуратной доставки груза нужно не менее недели».

«Три дня» - поставил точку Кумакин.

Щедро налив себе в стакан вожделенного напитка, Матвей уже приготовился его осушить залпом по известной процедуре – «Первый стакан – колом, второй – соколом, третий – мелкими птахами», но пришедшие в голову мысли заставили его изменить план действий.

«Да чего это я? Совсем голову потерял? Кота в мешке через нашу границу везти? Да меня наши brave погранцы разом на незаконном ввозе прищучат. А еще милые финны могут тормознуть. А там проверят по учетам, экстрадиция, Алькатрас или Гуантанамо. Кумакин вытаскивать не будет!»

Стакан с виски – в сторону, стол – освободить, электрический чайник – на разогрев. Хорошо, что печати были из старого воска, на натуральной пчелиной основе. Под действием пара они отошли сразу.

В деревянном тубусе было, как и ожидал Матвей, написанное на свитке толстой, грубо выделанной кожи, само завещание Анисима. Написанное на церковнославянском (или старорусском, кто ж его разберет. Только профессор!) оно, как смог разобрать Матвей, состояло больше из духовного наставления. Лишь в

последних строках был упомянут «крст», что как понял искушенный Матвей, и означало слово «крест», за которым было написано что-то, похожее на слова «великая тайна».

В ларце же, печать с которого отвалилась так же легко, лежал уже много раз виденный Матвеем обычный медный крест и записка. Записка на пожелтевшей от времени бумажке, явно выдранной из ученической тетради, в переводе на современный русский язык гласила следующее.

«Дорогой потомок, не ведаю из чьего колена будешь, Анисима или Аввакума, но всё равно от Ферапонта род свой ведущий! Если читаешь сиё, то вне зависимости от того, будет ли род твой продолжен ревнителями веры наших святых отец и старорусских святых и великомучеников, запечатай снова сию запись, сохранив её для Вечности.

Крест сей был вручен нашему прорадителю Ферапонту его благодетелем Шубиным, которому, в свою очередь, подарен был Никитой Акинфеевым Демидовым, тайным сыном нашей церкви и ея благодетелем. В кресте заключен тайник с указанием места клада, заложенным Демидовым на благо нашей церкви.

Сумел ли разгадать тайну клада Шубин, неведомо. Но когда прорадитель наш Ферапонт открыл тайну креста и пришел на указанное место, клад был нетронутым.

Господь ли спас клад, либо его время еще не пришло. На всё провидение Божье!

Клад Ферапонт перезахоронил в подполе своей домово́й церкви, где был тайный алтарь для молений гонимых приверженцев истинной веры. План упокоения клада он вложил на его же место в кресте вместо прежнего, ибо ненадежным оно было.

Найти его просто – надо сдвинуть цату, нажав наверх креста.

Христом нашим, Вседержителем, заклинаю – если не чувствуешь в себе силу обратить найденный клад на благо церкви нашей и помощь её гонимым сынам, не трогай его!

Ибо навлечешь на себя гнев Божий! И кару небесную получишь сполна по жизни своей грешной на земле, а потом и в гиене огненной.

Храни тебя Господь!

Подписано было – Симон. И дата проставлена – лета 7436 от сотворения мира.

В глубоком раздумьи видел Матвей над реликвиями. Не сразу пришло к нему решение. Правильное ли, ошибочное – время покажет. Человек не может сразу определить, верный ли шаг он предпринимает. И лишь со временем начинает понимать, прав ли он был. Одно Матвей знал точно. Какие бы шаги он не предпринял в своей жизни, правильные или ошибочные, не ему, а Богу решать.

Делай, что должен, и пусть будет, что будет! И ни о чем жалеть нельзя, ибо как говаривал один из его мудрых знакомых, на ... слезы изойдешь, а ничего исправить в прошлом всё равно не сможешь.

Итак, решение принято. Это – как приказ. Выполняй!

Тайник креста был открыт – оказалось совсем не сложно, и в руках у Матвея оказался тщательно сложенный листок бумаги, похожей на современную папиросную, с нанесенным на неё тонким карандашом планом какого-то помещения. Матвей попытался сфотографировать план на свой телефон, но изощрённая азиатская техника не смогла зафиксировать чёткий рисунок. Тогда Матвей просто перерисовал план в свой блокнот. Первоначальный чертеж был снова туго свернут и...надежно спрятан среди личных вещей Матвея. Пояснительная Фелофея, которую Матвей уж точно

не смог бы провезти через границу, была им переснята на телефон, и уничтожена. Завещание Анисима, также удачно переснятое на телефон, а также крест, уже без «секрета», благополучно вернулись, соответственно, в тубус и в ларец. Матвей знал суровые правила досмотра на таможне и предполагал, что, просветив его багаж, таможенники не могут не вскрыть ларец для осмотра креста, что хорошо легендирует нахождение в ларце только креста, но не пояснительной записки. Это же дает возможность, при возникновении такой необходимости, потом вновь вложить план клада в тайник креста. Снова нагретые восковые печати были удачно прилажены на прежние места, и без специальной криминологической экспертизы никто не смог бы определить факт незаконного вторжения в чужую тайну.

На такси Матвей добрался до ближайшего города, откуда можно было добраться до Хельсинки. Там в аэропорту был приобретен скромный дорожный чемодан на колесах, в который вошло содержимое рюкзака, тубус с завещанием и ларец с крестом. За неимением билетов эконом – класса на ближайший рейс до Москвы был приобретен билет бизнес – класса (легенда для Кумакина). Просвеченный на таможенном досмотре крест вызвал лишь один вопрос у финской таможенницы – Вы священник?

Получив утвердительный ответ, она беспрепятственно пропустила Матвея в самолет. В Москве было, как и предполагал Матвей, сложнее.

Когда телевизор высветил крест, Матвей стал нарочито бессвязно объяснять наличие у него этого предмета. Как он и предполагал, его тут же пригласили в кабинет индивидуального досмотра, вскрыли ларец, выдав, правда, справку о том, что печать была нарушена таможней. Крест исследовали на предмет материала, из которого он был сделан. Заключение эксперта о медной сути креста, а также предъявленные Матвеем документы о том, что он получил духовное завещание для господина Кумакина,

подтвержденное паспортом с отметками всех посещенных стран, честные глаза самого Матвея и отсутствие других поводов для недоверия, возымели успех. Спросили лишь:

– А вы знаете, что в кресте есть потайное отверстие? Очень маленькое и пустое.

Максим недоуменно пожал плечами, ответив,

- Это уже не моё дело.

И его пропустили. Взяв, правда, письменное объяснение и подписку о невыезде из страны в ближайшие 76 часов.

Крах олигарха

Данное ему Кумакиным время на выполнение задания заканчивалось. Он вложил план клада в тайник креста и набрал номер Кумакина. Тот ответил сразу же:

- Ты уже прилетел?

- Да, вошел в квартиру.

- Высылаю машину.

«А – здравствуй! Я скучал... Плохо в детстве воспитывали. А ещё купец первой гильдии!»

В кабинете Матвей сразу вручил Кумакину завещание, ларец с крестом и все врученные ему финскими поверенными документы.

Наследник резко вскрыл тубус с текстом завещания и уставился в непонятные ему письмена.

- Что это?

- Это – подлинное завещание преподобного Анисима, вашего двоюродного прадеда.

- Ты читал? Переведи...

- Я не специалист в церковнославянском или старорусском. Если в общих чертах, то... – и Матвей рассказал, что ему удалось понять из текста, упомянув в конце ключевые слова «крест» и «тайна».

- Ландо, потом специалиста ребята подгонят, прочитаем. Так, а где крест?

- Вот он, в ларце.

- Почему вскрыт?!

- Вот справка. Таможня вскрыла. Думали, крест золотой или платиновый.

- Ты декларировал его!?

- Нет, проверили, что он – из сплава меди и олова, и отпустили. Но все документы о наследстве проверили, и я подписку дал. О невыезде.

- Ну, это ладно. Работу ты выполнил, расчет с тобой вечером бухгалтерия проведёт.

Матвей положил на стол папку.

- Здесь билеты, гостиницы, инвентарь. Не успел только записать, сколько на перекладные потратил, когда напрямую из Норвегии в Финляндию спешил.

- Чего спешил?

- Фелофей был при смерти, хотел меня видеть.

- Увидел?

- Нет, я не успел. Он умер сразу после нашего телефонного разговора.

- Царство ему небесное... А кто крест тебе передал?

- Отец Анисим. Он теперь вместо Фелофея.

- Этот Анисим, он по-нашему разговаривает? Ты телефон и адрес у него взял?

- По-русски почти не говорит. Телефона у него нет, им не положено. А адрес брать бесполезно. Они к переезду готовятся, - лукавил на ходу Матвей. «Хрен тебе, Хриstopродавец! Будешь ты еще хороших людей своими проверками беспокоить»

- Ну, ладно. Завтра приходи, надо кое-какие детали обсудить.

А ведь ту почти полную бутылочку, что в мотеле финском заказал, Матвей не выбросил. Спасибо жабе. И теперь, с чувством почти полного удовлетворения, он налил себе. И немедленно выпил.

Утром пришли деньги на карточку. Расчёт с господином Кумакиным за доставленное тому духовное завещание и крест. Сумма почти в два раза перекрывала обещанную, и Матвей решил не мелочиться на неподтвержденные чеками транспортные расходы. Но горечь на горячих финских «любителей поживиться» осталась. Хотя кто без греха? Пусть бросит камень...

В кабинете Кумакина Матвею предложили присесть и даже чашечку кофе. Он, ведь, был уже не наёмный работник, а деловой посетитель. Другая категория.

- Ну что, Виктор Анисимович, разгадали тайну креста?

- Не успел. Сегодня спецам отдам.

- Не спешите, Виктор Анисимович. Давайте разберем ситуацию, - Кумакин нахмурился и побагровел, - я ваше задание выполнил? Завещание и крест нашел и доставил, в соответствии с договором?

- Ну да. Расчёт произведен.

- Да, кстати, спасибо за достойную оплату прямо скажем непростой работы. Итак, получив указанные в договоре предметы, я был свободен от обязательств и мог действовать в своих интересах. Так?

- Ну, положим...

- Я смог, как это говорить, привлечь к сотрудничеству замену Фелофея отца Анисима, и он мне открыл, что перед смертью Фелофей передал ему на хранение пояснительную записку к кресту и некую схему. Ведь Фелофей думал в эту последнюю минуту, что никто уже за наследством не придёт. И эта записка и схема уже мои.

- Где они?! – буквально заорал олигарх.

- Естественно, в надежном месте. Я готов их отдать, ибо сам кладоискательством не занимаюсь, но не просто так.

- Доказательства?

- Я могу вам показать записку, чтобы вы поняли, о чём идет речь. Я могу подключить телефон к вашему принтеру? Не хочу такие документы пересылать через Сеть.

Пока Кумакин, сопя, читал пояснительную записку Фелафея, из текста которой Матвей благоразумно убрал упоминание о месте захоронения клада, секретарь принесла еще одну чашечку ароматного кофе.

- Что хочешь? Сколько?

- Не деньги. Мне нужна та генеральная доверенность, которую на ваше имя выписал мой шеф.

- Слизняк он, но ему повезло иметь таких друзей. Я согласен. Завтра после обеда приходи. С планом!

- Я приду с шефом, чтобы он проверил документ, и принесу план.

Обрадовав «до синих слюней» своего шефа (благая весть, как никак), Матвей позвонил профессору и напросился на вечерний чай с баранками. Сделав в интернет кафе копии завещания Анисима и пояснительной записки Фелофея, Матвей купил букет цветов для внучки профессора и в назначенный час звонил в треснувший звонок.

Чай был завораживающе душист, баранки обжигают горячи и вкусны. Букет внучка поставила на стол, и монашески аскетичный кабинет словно расцвел, осветившись красками многоцветья.

Профессор внимательно прочел завещание Анисима, не став его переводить. Да, это духовное завещание пастыря нашей церкви, твердо ведущий свою паству по пути истинной веры. И обращается он к своим потомкам, как продолжателям дела своего. Ох, и огорчился бы праотец, узнал, кто ему наследует. Вы позволите оставить у меня это документ, как яркий образец пастырского слова?

- Конечно, профессор. Но обещайте не обнародовать его в полном виде хотя бы год. Пусть волны улягутся... И уж, конечно, последние упоминания о кресте и связанной с ним тайне не должны быть преданы огласке. Никогда.

- Матвей, да вы стали разбираться в старославянском? Похвально! Конечно, сохраню в тайне. А хотите, отрежу сей фрагмент на ваших глазах. И съем или сожгу.

- Жечь и есть не надо. А отрежу я сам и унесу с собой. У всякой игры свои правила, профессор!

- Вы опять принесли мне весть, Матвей. Но чтобы весть стала благой, она должна возрадовать сердца истинно верующих.

- Сейчас возрадую. Прочтите вот это! – и Матвей передал профессору записку Фелофея.

Прочитав записку, профессор замолчал, не в силах произнести ни слова.

- Демидовы были нашими единоверцами! Конечно, они ведь с Урала, нашей исконной земли. А скрываться, или, как раньше говорили, «лицемерить» они стали, будучи приближенными ко двору императора – гонителя Петра.

И Никита Демидов оставил сокровища нашей церкви, спрятав их, ибо в то время они никогда не попали бы старообрядцам. Потом, разрознены мы были, рассеяны по всей России. И официальная церковь никогда бы не позволила отдать богатства староверам. Да и сейчас не позволит! Даже если нынешние наследники захотят это сделать. А они захотят?

- Ни за что! - твердо ответил Матвей.

- Что же делать? – прежде весельчак сейчас профессор чуть не плакал.

- Доверьтесь мне. Но будьте готовы помочь. Дурного не попрошу...

На следующий день в офисе Кумакина состоялась церемония обмена всего бизнеса шефа на план клада Демидовых в подполе бывшего дома деда господина Кумакина. Олигарх, увидев представленный ему на бумаге план собственного подвала с обозначением клада, сначала с негодованием хмыкнув. Матвей умышленного сделал очень мелкую копию без привязки к сторонам света и каким-либо ориентирам, чтобы исключить возможность запоминания ушлым Кумакиным места клада. Но потом олигарх достал из сейфа и передал шефу его доверенность, которую шеф внимательно изучил, а затем порвал на мелкие кусочки, спрятанные им в карман. И уже после этого Матвей вручил господину Кумакину подлинный план на прозрачной бумаге, а затем сделанную им еще в Финляндии копию плана на блокнотном листе.

- Больше у меня ничего по вашему завещанию нет. Расходимся мирно.

- Смотри! Головой ответишь...

- Знаю!

На этом обмен любезностями окончился, и стороны разошлись по своим интересам. Шеф позвал Матвея в ресторан праздновать свою свободу, но у Матвея были свои планы, не терпящие отлагательства. Матвей отправился домой, где его верный друг Митя организовал ему на домашнем компьютере просмотр информации с двух уличных камер видеонаблюдения. Митю, ставшего в результате несчастного случая инвалидом – колясочником, Матвей когда-то вытащил прямо из петли. Это потом оказалось, что Митя – гениальный хакер, и они нашли, чем занять себя и зарабатывать на жизнь. А с учетом беспокойной натуры Матвея и его таких же друзей, скучно Мите не было совсем.

И теперь Матвей, который мог спокойно не ходить на работу хоть неделю, видел в реальном режиме времени, что творится у офиса Кумакина и у фамильного дама, на фундаменте которого ушлые папа с сынком построили бутик модной одежды и большое пошивочно – тусовочное помещения, где, кроме пошива «сумашедше модного шмотья», проводились показы мод и тусовки гламурной молодежи. Был огромный соблазн поставить в кабинете Кумакина прослушку, но с учетом уровня этой акулы бизнеса, там могли проводиться регулярные проверки, что грозило серьезными неприятностями.

Через час после того, как Матвей с шефом покинули офис Кумакина, тот отъехал куда-то, не взяв с собой охрану. Его машина появилась у бутика, куда вскоре подъехал тюнингованный джип. Митя тут же узнал, что джип зарегистрирован на владельца небольшой строительной фирмы, регулярно выполнявшей строительные и ремонтные работы в офисе, квартире и в загородном доме Кумакина. Из джипа вылез сам «строитель» в элегантной каске и кто-то еще с раскладной лестницей и чемоданчиком инструментов.

«Началось, - подумал Матвей, - а олигарх время терять не любит». В полуцокольных окошках бутика зажегся яркий свет. К вечеру к бутику подъехала газель, из которой несколько таджиков в новеньких строительных комбинезонах стали заносить в здание отбойный инструмент, баллоны с газом, мешки и кирпичи. Заносили они этот инвентарь через парадный вход в магазин, откуда уже через пару минут выскочил франтовато одетый в черно-голубую гамму молодой человек, начавший топтать ногами и размахивать руками. К нему подошел бригадир грузчиков и молча сунул тому в ухо свой телефон. С минуту послушав трубку, сдвигшийся паренёк тихо ушел в магазин.

«Всё, завтра начнется работа, пора приступать ко второму туру Марлезонского балета». Митя получил указания и пошел раздавать их дальше.

«Карельский» Александр взял трубку сразу же.

- Ну, что, опять приезжаешь? А наши старoverы с Мелантием решили в Сибирь уходить. Туда их гектарами земли поманили, вот они и намылились.

- Нет, пока и здесь дел хватает. Ты по этому номеру спокойно говорить можешь, или другой дай.

- Говори, у нас защита стоит, - Матвей представил себе, как скривился бы при слове «защита» друг его Митя, но продолжил, - помнишь, ты говорил, что твои друзья, ну, которых гайцы наводили на добычу, активно и жестко во всей России работают. Понял, о ком я.

- Да понял, понял.

- У тебя же с ними есть дружеский канал общения?

- Обижает...

- Так вот, доведи до них, что один из бывших карельцев (я тебе данные на него мылом вышлю), немерянный старинный клад

раскопал нелегально в Москве. Богатство староверам предназначалось, а он их внаглую обманул. Сам, если подумаешь, можешь хорошо на этом резонансном деле подняться. Я помогу. Принимай справку на терпилу.

Справка общего характера, но с домашним и служебным адресами, давно, на всякий случай, была готова у Матвея, и он отправил её на адрес Александра. Через пару минут тот перезвонил

- Ну ты даешь! Это мы с радостью! Говорил же, с тобой интересно. Давай. На связи! Да, сроки какие?

- Вчера. Жду на неделе в Москве. Спешу, пока у нас комаров ваших нет!

На следующий день бутик бы закрыт на «переучёт». Через день тоже. Двое суток машины кумакинской охраны дежурили у парадного входа и с заднего двора «Дома моды». На третий день, кроме самого Куракина, приехал целый микроавтобус с военизированной охраной, занявшей посты по периметру здания и видной во всех его окнах.

«Всё, клад найден, идет процесс его первичного созерцания. Надо брать, пока ценности не разлетелись по миру» - Матвей набрал номер Александра. Его карельский друг со вчерашнего дня был в Москве, на месте руководя спланированной ими силовой операцией, или, вернее сказать, силовыми операциями.

Под утро Александр скинул Матвею сообщение – «Сегодня ночью, воспользовавшись отсутствием охраны, на загородный дом известного олигарха Кумакина было совершено бандитское нападение. Обездвижив жену олигарха, бандиты в масках провели тщательный обыск дома, взяли все имевшиеся в доме деньги и драгоценности. Самого Кумакина долго пытали с применением психотропных препаратов и оставили в невменяемом состоянии. При выходе из дома бандиты были обезврежены силами ОМОНа, оперативно прибывшими на место. В ходе состоявшегося боестолкновения почти все преступники были уничтожены».

По телефону Александр сказал:

- Это – вариант для прессы. Потом расскажу...

Утром неспавший у монитора всю ночь Матвей получил от Мити сообщение о том, что через день «известный кутюрье Павел Кумакин устраивает в своем модельном доме показ новой коллекции под девизом «Старина опять актуальна!». Коллекция, в которой автор хочет бы подчеркнуть связь времен и сочетаемость эксклюзивных старинных аксессуаров с новым взглядом на одежду нового поколения, будет показана избранному кругу лиц, приглашенных именными пропусками».

Митя сообщил, что эти именные пропуска уже торгуются на чате кутюрье по заоблачным ценам.

«Ну что, господа присяжные заседатели! Предпоследний тур Марлезонского карнавала. Те же и люди в масках! Саша, твой прямой выход!»

И послав Александру кодовый пароль – «Грузите апельсины завтра! Тару завезут к полуночи», Матвей поехал к профессору.

- Уважаемый профессор! Как я вам говорил, мне понадобится ваша помощь. Вот текст, который вы должны под своим именем передать непосредственно председателю Общественной палаты и в Совет Церквей России. Вы же принимаете самое активное участие в их деятельности? Мне некогда ждать сейчас вашего ответа. Прочтите, выдохните, посоветуйтесь с внучкой и скажите мне по телефону – «Да» или «Нет». Если «Да» - этот текст, без приложения, завтра будет опубликован на страницах Интернета. Если «Нет», будете мучиться муками совести до конца дней своих.

Вручив конверт, Матвей откланялся. Времени у него, действительно, не было.

Матвей лично прошел мимо магазина модной одежды. Охраны уже не было, а подъезд и фасад дома активно украшали воздушными шарами и лентами.

Офис Кумакина, мимо которого проехал Матвей (в такси, чтобы не быть зафиксированным камерами наружного наблюдения) темнел окнами, погруженный в печаль.

Около двух часов ночи раздался радостный телефонный крик Александра

- Повязали всех тепленькими. В старинных цацках и в конце обдолбанных. Фото тебе пришлю! Ты ведь сюда не приедешь?

- Да нежелательно светиться...

- Слушай, здесь у хозяина дури не нашли, чтобы прижать. Ни на нем, ни в кабинете. Никаких за ним секретов не знаешь?

- Знаю! На нем крест висит?

- Да, медный, как на том попе, Мелантии.

- Слушай, Саша. При понятых и под камеру возьми этот крест Надави сверху на его наверх и, держа надавленным, подвигай цату. Это такая косая перекладина внизу креста. Тайничок, думаю, что не пустой, и откроется. Не получится, тащи спецам.

Через четверть часа:

- Ну ты колдун! Пещерка открылась, а там порошка – лет на десять ему хватит. Откуда узнал?

- При встрече...

Чуть рассвело, не выдержал профессор.

- Да, Матвей, да! Конечно, да! Вот и Машенька моя... Да как же так... Это ведь как чудо. Расскажите...

- Потом, профессор, потом, запускайте письмо.

- Уже готово. Сам написал, Машенька напечатала слово в слово, как у вас. Прямо к открытию пойду.

- Пусть Маша еще по тем же адресам и в электронном виде отправит. И метрополита Вашего ознакомьте!

- Всё сделаю! До встречи.

Спасибо Мите – через пару часов в Сети появились заметки. Сначала от анонимного источника, потом, повторенными другими источниками, они появились и на страницах известных изданий. О произошедших событиях – нападении на олигарха В.Кумакина и облове на наркопритон известного кутюрье и неформала П. Кумакина, было поведано красочно и победно. Вездесущие журналисты добрались до прокуратуры, где им подтвердили эти события и вывели на главного виновника торжества силовиков – Александра, «блестяще замыслившего, организовавшего и реализовавшего это многоходовую и сложную для исполнения оперативную комбинацию», уже начальника следственного отдела из Карелии. И как дали понять «высокие шапки» и «большие звезды», на которые тоже упал отсвет Сашиного успеха, его самого ждут приятные изменения в служебной карьере.

Ликуй, Сашина жена, это – Москва!

На короткой личной встрече, которую им удалось выкроить, Александр рассказал, что в ходе операции было изъято несколько запертых и уже вскрытых сундуков с украшениями, посудой и произведениями искусства. Опись идет до сих пор.

- А какие цацки мы с моделяй поснимали! Я такие даже в ювелирке не видел, только в кино. Про Анжелику. А со стен поснимали! Этот наркоша успел многое развесить. И порошок у него шел за двойную цену в этой обстановке. Это его свои же сдали...

- С Павликом всё ясно. Что с самим Виктором Анисимовичем?

- В реанимации. Пока без сознания. Врачи говорят – память и речь едва ли восстановятся. Ему какую-то сильную «сыворотку правды» вводили. Но клад и сына он не сдал, крепкий, кержак карельский... Жена-то синяком отделалась. Её уже выписали, она ему клинику за границей и самолет организовала. Но тоже слегка не в себе. Все бормочет – «Кара небесная, Анисимово проклятье!» Хочешь, тебе про бандюков наших, алтайских, расскажу? Как под дудку мою плясали...

- Как-нибудь потом, Саня. Теперь в Карелию не зовешь?

- Да, в Москве предложили, в Следственный, на должность высокую. Жена счастлива.

Да, кстати, после того, как в прессе письмо этого профессора опубликовали, и тему проклятия стали обсуждать на форуме, на склад вещдоков вернули штук двадцать украшений из того клада. Инкогнито. Сработало...

- Ну смотри, не ошибись с переводом в Москву...

- Да понимаю всё. Не цепляюсь я за Москву вашу. Жив останусь – у меня Карелия есть. Домишко дедов...

- Комары, Жихарев и Хантер, - завершил Матвей.

Попрощавшись с Александром, Матвей направился к метро, купив по дороге газету в столь редком теперь газетном киоске. На первой странице московского издания передовица – «Старообрядческий клад». В статье было изложено письма известного бла... бла...бла..., академика, профессора, бла... бла... Аполлинария Инокентьевича Мусина – Залесского.

Профессор писал о том, что благодаря длительным историческим изысканиям установлено, что известные в российской истории графы, промышленники и, меценаты Д. были приверженцами старой русской православной церкви, то есть староверами. Вынужденные скрывать это от отрицавших старую веру царя и его опричников, притеснявших их братьев по вере, Д.

оказывали тайную помощь единоверцам, мечтая о том, что смогут возродить традиционное для россиян прославление Бога, соединив его с современным православием. Эта мечта была воплощена в оставленном ими тайном кладе. По их замыслу, клад сей должен был быть передан в руки приверженцев старой веры ради возрождения их храмов и общин, оказания помощи немощным и нуждающимся.

Волею злых превратностей судьбы и в результате прямого обмана «ложного наследника» этого клада, он попал в руки лживые и несправедливые. Благодаря успешным действиям наших властей, сокровища остались в руках государства и могут быть использованы по прямому своему назначению.

Могут ли, - - вопрошал профессор, - эти сокровища быть просто переданы в казну государства или просто попасть в чьи-то корыстные руки? Могут, с горечью отвечал сам себе профессор. Но в этом случае государство упустит шанс привлечь на свою сторону миллионы проживающих в нашей стране и за её пределами староверов, укрепить свои позиции в международном православии и глазах всей мировой общественности. Что же касается возможности «ухода» сокровищ в чьи-то корыстные руки, то профессор теологии прямо предупреждал о том, что, по древним преданиям, упомянутым в обнаруженных источниках, на клад наложено проклятие зложившим его хозяином. И именно это проклятие не дало «ложно завладевшему» кладом господину К. воспользоваться им. Пострадала вся его семья, что может ждать и других, кто дерзнет покуситься на праведные вещи.

По мнению профессора, входящие в клад предметы не уникальны, не являются национальным достоянием и могут быть просто в денежном эквиваленте переданы Старообрядческой церкви в лице её метрополии на богоугодные дела. И прежде всего – на восстановление храма, в развалинах которого и был найден клад.

Позвонивший Митя сообщил, что по материалам статей и письма профессора Мусина – Залесского, в Сети начато голосование, и уже около миллиона человек проголосовали за возврат клада старообрядческой церкви.

Одновременно начато всероссийское обсуждение этой тематики, которое имеет все шансы затмить по массовости все предыдущие темы электронных дискуссий.

У Матвея остался еще один неиспользованный патрон – человек «за красной каменной стеной», но он знал, что использовать этот патрон можно один раз в сто лет, и только по вопросу национальной важности. Он позвонил, и ответившему ему голосу задал только один вопрос:

- Старообрядческий клад?

Обычно суровый, собеседник вдруг оживился.

- Так это твоя новая неожиданная затея? Всё не угомонишься? Ну, ты замутил?

- Участвую... - не стал уточнять Матвей.

- Нормально всё, передадим деньги староверам и храм поможем отстроить. Всё только, как положено, обставим. Святейший, правда, рычит. Ну да Бог с ним...

Да еще - как узнали, что реальные наследники Демидовых живут в Польше... И два миллиона избирателей, тоже, не котчихнул. Да и форум гудит! Ну, ты бросил камень...

В баню – то ходите?

- Давай, подходи. Пропарим!

- Ну да. Ну да. Бывай!

К профессору Матвей зашел уже под вечер. Усталый, но довольный.

Глядя в молящие глаза профессора, в которых застыл вопрос, сразу сказал.

- Деньги вам все отдадут. Разрешение на храм на том месте тоже. Немного подыграете на политических подмостках. Как это вы говорите – полицемерите?

Чай пить не буду и лицемерить не стану – пойду выпью, что покрепче. А баранки можно с собой?

- Вот уж точно, благую весть вы принесли. Не зря всё-таки я вас тогда встретил и подошёл. Промысел Божий! Надо всё это обдумать, как следует обдумать.

И пошел в свой кабинет, бормоча под нос:

- Благая весть от Матвея!

Евангелие от Матвея!

